

Центр научной политической мысли и идеологии
Семинар «Актуальная российская повестка»

**В треугольнике:
США (Запад) — Китай —
Россия.**

**Что за поворотом страны
с Запада на Восток**

Научный семинар — круглый стол

Выпуск № 4
Июнь 2015 г.

Москва
Наука и политика
2015

УДК 001.18(063)

ББК 72.4(2)я431

А 11

А 11 Актуальная российская повестка. Материалы научного семинара — круглого стола «**В треугольнике: США (Запад) — Китай — Россия. Что за поворотом страны с Запада на Восток**». Вып. № 4. М.: Наука и политика, 2015. 64 с.

ISBN 978-5-906673-17-6

Материалы публикуются в авторской редакции

Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура Minion. Печать офсетная.

Отпечатано в типографии № 4

Тираж 500 экз. Заказ № 587

УДК 001.18(063)

ББК 72.4(2)я431

ISBN 978-5-906673-17-6

© Центр научной политической мысли
и идеологии, 2015

Содержание

<i>Сулакшин С.С.</i> Вступительное слово научного руководителя семинара	4
Тема семинара	
В треугольнике: США (Запад) — Китай — Россия. Что за поворотом страны с Запада на Восток.....	6
Доклад	
<i>Воронин С.А.</i> В треугольнике: США (Запад) — Китай — Россия. Что за поворотом страны с Запада на Восток.....	6
Вопросы к докладчику и ответы	16
Содоклад	
<i>Багдасарян В.Э.</i> Два актуальных проекта мировой гегемонии: Россия в геополитических тисках.....	24
Вопросы к содокладчику и ответы	33
Выступления	37
<i>Ефремов О.А.</i> Китай, США, Россия: гармония идей и интересов в национальной стратегии.....	37
<i>Кравченко Л.И.</i> Российско-китайское экономическое сотрудничество	42
<i>Дегтев А.С.</i> Поворот на Восток в Российской политике ведет к сближению с Китаем. Однако следует понять до каких пределов это сближение безопасно для России	47
<i>Ибрагимов А.Г.</i> Сообщение по теме.....	52
<i>Мальцев В.А.</i> Что за поворотом страны с Запада на Восток	55
<i>Сулакшин С.С.</i> Китайский вектор не панацея для России.....	58
Заключительное слово докладчика	62
Тематический план	64

Вступительное слово научного руководителя семинара

Сулакшин С.С.

Позвольте сказать для наших гостей два слова об этом семинаре, о его цели, ключевой методологии, а затем мы перейдем к запланированной работе.

Семинару 15 лет. Это научный семинар, но он особенный, потому что ставит во главу угла междисциплинарный научный подход, апеллируя к возможностям синтеза наук, методологий и методов. И, во-вторых, он межинститутский, что дает возможность привлекать специалистов, специализируемых на поднимаемых темах, и, что называется, не надоесть друг другу. Это тоже всегда важно, как важно и расширить круг интеллектуальной дискуссии.

Нашей целью всегда была работа по актуальным научным и практическим вызовам нашей стране. Планка всегда была — не обслуживать чьи-то вождения и позиции, а искать истину, но при этом быть корректным, патристичным и понимать, что если мы больны, так надо диагностировать, лечить и предлагать лекарства, а не расковыривать болячки и топтаться по больным местам.

В последнее время становится все более актуальным некоторый настрой, видимо, в силу объективных причин — состояния науки, отношения к этому промыслу, к ученым, к Академии наук — когда утрачивается блеск в глазах, утрачивается вкус и интерес к научной теме и дискуссии, возникает какая-то усталость у людей, какая-то лень мысли. Мы с этим не согласны. И мы призываем, в том числе своим трудом, с этим бороться.

Второе, что мы наблюдаем — это вторжение в чертоги научной истины политической конъюнктуры. Наверное, вы тоже замечаете, что определенные фамилии, как когда-то, многие десятки лет назад, мы с вами начинаем произносить шепотом. Некоторые проблемы мы вообще боимся обозначить, и это тоже естественное, к сожалению, явление в гуманитарной и социальной науке, потому что она имеет дело с очень актуальными и острыми текущими политическими постановками вопросов. Политика и идеология могут быть предметом социальных наук, а могут быть и торпедой, которая их искажает, вытравливает оттуда истину, привносит сервильность и из науки

делает что-то вроде служанки. Но в этом случае истина не постигается, эффект в управлении государством снижается. И кто от этого выигрывает? Только какие-то люди с очень узкими жизненными целеполаганиями.

Сквозная тематика нашего семинара именуется как «Актуальная российская повестка». Набор тематик на сайте у нас вывешен, он очень говорящий. Я только несколько тем произнесу, чтобы вы почувствовали творческий контекст, в котором поставлена сегодняшняя тема. Например, такие темы: «Федеральные выборы 2016-го и 2018 годов: сценарный прогноз»; «Россия и ряд: СССР, Югославия, Ирак, Ливия, Сирия»; «Сценарий «Анти-Россия»: реконструкция и вероятность успеха»; «Конфликт Россия — Запад: пути выхода»; «Есть ли и в чем состоит план Путина?» и другие.

Еще раз хочу сказать, что это рафинированная строгая научная постановка, в основе которой, прежде всего, тревога и озабоченность делами в нашем Отечестве и искреннее желание нас как исследователей помочь эти дела направлять в нужном русле.

Итак, сегодняшняя тема семинара именуется: «В треугольнике США — Китай — Россия. Что за поворотом России на Восток?» Выступает Воронин Сергей Анатольевич, заведующий кафедрой РУДН, доктор истории, профессор. Слово — докладчику.

Тема семинара

**В треугольнике: США (Запад) — Китай — Россия.
Что за поворотом страны с Запада на Восток**

Доклад

**В треугольнике: США (Запад) — Китай — Россия.
Что за поворотом страны с Запада на Восток**

Воронин С.А.

Отношения в треугольнике Россия — Китай — США становятся сейчас ключевыми для мировой политики. Они будут столь же значимыми, как отношения СССР — США в послевоенный период, поэтому главный вопрос в том, как сложится баланс сил в этом треугольнике. Станет ли он равнобедренным или в самом остром углу окажутся США, которым будут противостоять КНР и Россия, объединившиеся как союзники в борьбе против «мира по-американски»? Россия и Китай — две основные державы Евразии, США — опорная держава островной, евроатлантической цивилизации.

I. Разворот РФ на Восток

Прежде всего, следует отдавать отчет в том, что разворот на Восток подразумевает не только сближение с Китаем, но и интенсификацию развития Сибири и Дальнего Востока, партнерство с Индией, Вьетнамом, Индонезией, усиление экономических связей с Японией. Как хорошо известно, центр мировой экономики с середины 1990-х годов прошлого века смещается в АТР, что позволяет уже на протяжении последних 20-ти лет говорить об «азиатизации мира».

Поворот на Восток это не показательное выступление и не временная мера, рассчитанная на то, чтобы поднять ставки в «Большой игре» с Западом. Это продуманное, взвешенное и давно назревшее решение. О необходимости переориентироваться на азиатские рынки в российском правительстве говорили на протяжении 14 лет, но лишь в последние 4 года В.В. Путин провозгласил эту задачу как российский приоритет на XXI век. Западные санкции выполнили роль лишь катализатора, но не стали определяющей причиной российского

разворота на Восток. Речь идет не столько о внешнеполитическом выборе, как о выборе цивилизационном. Николас Рэдман — эксперт Лондонского института стратегических исследований, в этой связи подчеркивает: «Москва отказывается от своей европейской идентичности ради идентичности евразийской». Российская модель становится реальной альтернативой англосаксонскому атлантизму. РФ обладает рядом преимуществ для успешного азиатского подъема. К власти пришло осознание того непреложного факта, что подъем Азии это всерьез и надолго, речь идет об окончании 500 летнего цикла европейского доминирования и возвращении, прежде всего, Китая и Индии к тем нишам в мировой геополитике и экономике, которые они занимали в XVI–XVIII веках.

Таким образом, России нужна четкая и внятная стратегия, при которой КНР будет не противником, а союзником и партнером, а Сибирь и Дальний Восток станут эффективно развивающимися регионами, не поддающимися под китайское влияние и доминирование.

На экспертном уровне отношение к повороту на Восток — противоречиво. Это связано с неадекватным представлением о китайской демографической угрозе для России, хотя статистика уверенно свидетельствует о том, что китайцев на Востоке сейчас меньше, чем во времена Российской империи. Либеральными СМИ активно подкачивается миф о готовности РФ подчиниться китайскому гиганту. Существует также проблема конкуренции двух проектов развития РФ: Европейского — на что Россия была ориентирована со времен Петра I, и Евразийского, набирающего силы последние пятнадцатилетие. При этом следует понимать, что евразийский вектор направлен не только в сторону Центральной Азии и Китая, но включает в себя тесную интеграцию с Германией.

Филигранная задача выработываемой стратегии должна предполагать объединение этих двух проектов, а результатом синтеза должно стать превращение РФ в сильную державу, которая за счет тихоокеанской стратегии станет более привлекательной для Европы. Таким образом, новая философия развития заключается в формуле

**«Поворот к Азии через развитие Сибири и Дальнего Востока
в целях интеграции с Европой»**

За последний год РФ и КНР заключили более 40 соглашений в сфере энергетики, транспорта, космических технологий и телекоммуникаций, в сельском хозяйстве, банковской сфере. РЖД и China railway corporation разрабатывают проект евразийского высокоско-

ростного коридора Москва–Пекин. Компанией «Рособоронэкспорт» подписаны контракты на поставки СУ–35, Як–130, Ил–76 МД.

Важно отметить, что сознательный разворот на Восток наносит смертельный удар по евромифу о России, как стране реваншистской, стремящейся подмять неокрепшее постсоветское пространство. Разворот на Восток положит конец спекуляциям на тему неизбежного отката российского государства к Уралу, вследствие невозможности развивать и удерживать Сибирь и Дальний Восток. Восточная стратегия должна стать государственным мегапроектом с широкой общественной поддержкой.

Следует отметить, что российский бизнес уже на деле поддержал восточный вектор российской политики. В Шанхае В.В. Путина сопровождали топ-менеджеры 25 крупнейших российских компаний. В частности глава РЖД В.И. Якунин отметил важность строительства высокоскоростной магистрали Москва–Пекин, в результате строительства которой это расстояние будет преодолеваться в течение 2-х дней. Проект магистрали имеет важнейшее геополитическое значение, поскольку снимает зависимость в поставках и перевозках грузов от морских путей, контролируемых англосаксами.

Российская политика в восточном направлении всегда отличалась интуитивно полусознательным подходом. Еще премьер — министр С.Ю. Витте сумел продвинуть проект КВЖД и отмечал, что «Россия испытывает искушение использовать китайскую карту в игре против европейских соперников». Однако сегодня мы имеем исторический шанс сознательно повернуться лицом к Востоку, учитывая, что будущее мира это многополярность с азиатским акцентом. Объективной реальностью завтрашнего дня станет мир без Запада. Страны БРИКС окончательно перейдут в расчетах между собой на национальные валюты. Инвестиции, технологии, доступ к кредитным источникам предоставят Россия и Азиатские страны. Фактически западные санкции вынудили Москву более четко сформулировать свои национальные интересы и преступить к решению давно назревших внешнеполитических проектов.

II. США — РФ — КНР. Падение мировой сверхвласти

1. Сверхвласть как принцип мироустройства в XX веке.

По итогам Второй мировой войны США приняли на себя управление Евразией, осуществляемое:

- а) для Западной Европы — через механизм НАТО, вассального Общего рынка, трансформировавшегося в ЕС;
- б) для Восточной Европы и СССР — через механизм навязанного военного противостояния, а после развала СССР через внешнее управление России;
- в) Для Китая и Индии — через негласный экономический союз, основанный на индустриализации этих стран.

Таким образом, после Войны и в Западной, и в Восточной Европе, и в СССР, и с отставанием в Китае и в Индии, с разницей лишь в идеологемах, формировалось одно общество и одна экономика, передовой образец которых строился из США и в США на основе созданной в США мировой денежной системы. Так был создан механизм сверхвласти — т. е. власти, неограниченной никакими формами государства и не имеющей суверенных национальных границ. Задолго до распада СССР сформировалась новая мировая модель «Управляющий — управляемые». Международное право и суверенитеты не возможны в мире сверхвласти.

2. Мир после сверхвласти.

Сегодня очевиден уход США как управляющего элемента над управляемым миром, прежде всего над Евразией. Следует понимать, что уход из Евразии это естественный исторический процесс, осознанный и фактически объявленный курс США, не зависящий от воли и желания двух правящих партий и выдвигаемых ими президентов. США уходят из Евразии, потому что больше не могут исполнять функцию сверхвласти. В США объявлено не просто о сокращении военных расходов, но и о сокращении самих вооруженных сил, о возрождении реальной экономики, т. е. об отказе от постиндустриальной парадигмы с размещением производства в Китае, о возвращении к собственной добыче собственных нефти и газа, пусть и в сланцевом варианте. По всем показателям США чрезвычайно похожи на СССР перед началом перестройки, перед началом падения.

3. Кризис сверхвласти. Конец культуры Нового времени

Культура сверхвласти, сверхобщества и сверхчеловека исторически является англосаксонской. В ее основе расизм, возвращенный культурой Нового времени. Кризис и конец сверхвласти это завершение эпохи западного расизма, конец британского имперского колониализма. Сегодня есть только две возрождающиеся империи: России и Китай. Обе они континентальные, строятся на мультиэтническом сообществе при единой государственной культуре. Обе свободны от

расизма. В связи с тектонической перегруппировкой сил новые роли треугольника, видимо, будут распределены так.

1. США: уход с позиций управляющего это стремление к избавлению самих США от перенапряжения, к восстановлению США как самодостаточного и органичного государства. Конечно, уход США будет сопровождаться подрывом социального порядка в странах американского контроля.
2. РФ: миссия России должна заключаться не только в экономически привлекательном имидже в целях партнерства с Европой, но и в выдвигании новых смыслов в целях освобождения европейского социума от подчинения культуре Нового времени. Перевод этой формулы на язык прагматики означает, что роль России заключается в освобождении Западной Европы от власти США.
3. КНР: контроль над Тихим океаном при сохранении тесных союзнических отношений с РФ и выстраивание новых отношений с США, преодолевающими кризис и возвращающимися к границам 1939 года.

III. Стратегия КНР в отношении РФ

Наследие Дэн Сяопина

30 января 2013 года в газете «Жэньминь Жибао» на русскоязычном сайте была опубликована статья Дай Сюя, ведущего сотрудника Центра стратегических исследований КНР под заголовком «Китаю и России следует создать евразийский альянс». Основных идей статьи две: «Объединение с Россией против гегемонии США» и «Необходимость завоевания западной части Евразии». Последний тезис яркое свидетельство тому, что Европа находится под пристальным вниманием китайского руководства. Предложение об объединении с РФ вполне соответствует духу Китайской традиции «объединяться со слабым в борьбе против сильного». Главное во внешней политике Китая это прагматизм и реализм. Сегодня РФ рассматривается Пекином как:

1. Важный союзник в борьбе с диктатом Запада, серьезно ослабленный, но сохранивший рычаги влияния.
2. Как страна, способная проводить относительно независимую политику.
3. Как источник сырья и энергоресурсов.

4. Как источник современных технологий в тех областях, в которых затруднено сотрудничество КНР и Запада.
5. РФ сегодня испытывает огромную зависимость от китайского импорта (от электроники до продовольствия) и, таким образом, является для Китая основным рынком сбыта и источником валютных поступлений.

Следует не забывать, что одной из причин китайского экономического чуда в 1990-е годы прошлого века стало активнейшее участие Китая (как на госуровне, так и на уровне частного бизнеса) в разворовывании и эксплуатации оставшегося в России советского наследия, начиная от металлолома и заканчивая технологиями. Выкачивание из России валютных ресурсов в обмен на китайский ширпотреб позволили КНР использовать эти средства для закупки передовых технологий на Западе.

Мир китайской мечты. Си Цзиньпин

В КНР сегодня на смену коммунистической идеологии приходят традиционные конфуцианские ценности. В государственную идеологию включена концепция «ХЭСЕ» (гармонизации), заимствованная у Конфуция. Стоит заметить, что в материалах Седьмого пленума ЦК КПК впервые исчезли упоминания Маркса, Энгельса и Ленина. КНР, по сути, предлагает миру собственную модель глобализации, в основе которой конфуцианские идеи:

- приоритет корпоративизма над индивидуализмом;
- почтительное отношение к власти и социальной иерархии;
- опора на личные связи и взаимные обязательства.

В современном Китае все чаще звучит идея о КНР как о державе, ответственной перед мировым сообществом. Большинство китайских международных экспертов и политологов прогнозируют, что Си Цзиньпин, принадлежащий к «партии принцев», откажется от принципов Дэн Сяопина, призывавшего к сдержанности на международной арене.

Си Цзиньпин все чаще в своих докладах вспоминает эпоху «опимных войн» и заявляет, что «Запад утратил право навязывать свои ценности и на их основе перестраивать мир. Мы должны воплотить в жизнь китайскую мечту, осуществить великое возрождение великой нации, сохранить Азию от вторжения Запада, разрушить гегемонию общечеловеческих ценностей, которые на деле являются ценностями Запада». Таков лейтмотив выступления Си Цзиньпина.

Выгоден ли России поворот КНР от марксистско-ленинских декораций к конфуцианству? При грамотно простроенной стратегии и активном развитии Сибири и Дальнего Востока, безусловно, да. Сейчас, когда Китай выдвигает идеологию разумного консерватизма, основанного на семейных ценностях (кстати, эти тезисы очень напоминают последнее валдайское выступление Путина), Москва имеет реальный шанс от комплекса младшего брата, приобретенного после распада СССР, перейти к реальному сотрудничеству. Тем более, что, в отличие от англосаксов, Китай и Россию связывают узы совместной борьбы. Напомним, что во время «второй опиумной войны» Россия, выступив посредником, по просьбе Китая спасла от штурма Цинскую столицу. В 1895 году лишь вмешательство Петербурга заставило Японию отказаться от притязаний на Южную Маньчжурию. Через год было начато строительство КВЖД. Если обращение современного Китая к традициям империи Цинь является долговременной стратегией, то Россия должна восприниматься в Пекине как естественный и надежный союзник.

На официальном уровне в отношении присоединения Крыма Китай ведет себя осторожно. Пока дипломаты КНР лишь воздержались при голосовании СБ ООН по резолюции, осуждавшей РФ за присоединение Крыма. Однако материалы, опубликованные в китайских СМИ, свидетельствуют о полной поддержке Пекином Москвы.

Цитаты

— Политика США на Украине свидетельствует о полном провале Запада. Пекин должен стать надежным партнером Москвы. Не следует разочаровывать Россию в момент, когда у нее возникли трудности. («Глобал таймс»)

— Геополитическая смелость В.В. Путина превзошла ожидания и глубоко потрясла Америку и Европу. Путин удерживает контроль над Европейским кризисом. («Хуаньцю шибао»)

— Москва явно дает сигнал США и Западу, что КНР и РФ на одной стороне. («Хайвайнет»)

— Дерзкая политика Путина помогает снизить давление, которое Запад оказывает на КНР. («Хуаньцю шибао»)

Многие политологи считают реальностью **создание новой евроазиатской оси «Москва-Пекин».**

IV. Большая игра США в отношении КНР

Цель «Большой игры» на протяжении веков — контроль над ключевыми ресурсами планеты и их распределением. В США хорошо понимают, что при сохранении нынешних темпов роста (Китай — 7% в год, США — 2% в год) к 2018 году экономика КНР обгонит экономику США и станет самой крупной в мире. США пытаются создать стратегию, способную замедлить неблагоприятную для них динамику. Задача в том, чтобы затормозить развитие китайской экономики до 4% и одновременно ускорить рост американской до 3% годовых. В этом случае первенство Китая отодвигается до 2044 года, а к этому времени многое может случиться.

Начиная с 2011 года, США планомерно проводили политику удорожания ресурсов для Китая. Во время «Арабской весны» отсекали африканскую ресурсную базу и поддерживали мировые цены на нефть на высоком уровне с тем, чтобы снизить темпы экономического роста в Китае. США предпринимали активные попытки по созданию «пятой колонны» в Китае, эти планы оказались не реалистичны. США снижают темпы роста китайского экспорта, создав доминирующего игрока на мировом рынке контейнерных перевозок «Альянс Р3». На сегодня противостояние США и Китая перешло из горячей в позиционную фазу. Решительного перелома в этой позиционной войне в ближайшие 7 лет не ожидается, поэтому настало время «зачистить поляну» от второстепенных игроков, т. е. России. Возник украинский кризис.

V. Стратегия РФ в отношении КНР и США

1. Сохранять достаточно партнерские отношения с США, оказывая поддержку там, где это выгодно России (Афганистан), но противодействуя там, где затрагиваются национальные интересы (Украина, Кавказ).
2. Динамично развивать экономическое сотрудничество с КНР, не вступая с ним в формальный союз, поскольку при нынешнем соотношении ВВП (5:1 в пользу Китая) российские позиции по ценам и условиям поставок энергоносителей были бы ослаблены.
3. Форсированно формировать единое евразийское экономическое пространство от Дальнего Востока до Европы включительно, с нашим экономическим лидерством в нем и с активной интеграцией в него Украины.

4. Восстановить высокие темпы экономического роста на уровне 5–7% годовых.
5. Сформировать с Индией, Индонезией и Бразилией коалицию неприсоединившихся стран в целях сдерживания КНР и США.
6. Сохранять роль надежного торгового партнера для Европы, укрепляя экономические отношения с Германией.
7. Способствовать ослаблению связей Франции с Атлантическим блоком с целью формирования впоследствии оси «Париж, Берлин, Москва».
8. Содействовать формированию оси «Пекин-Москва-Берлин».

VI. Перспективы юаня как мировой резервной валюты

Три вопроса, которые заставляют задуматься над будущим юаня:

1. Какая страна является крупнейшей в мире по добыче золота?
 2. Какая страна не экспортирует ни одну унцию добытого золота?
 3. Какая страна рекомендует своим гражданам покупать золото?
- Во всех случаях это Китай.

До сих пор у Китая не было выбора относительно того, где хранить свои триллионы, т. к. только такие рынки, как рынок гособлигаций США, и в некоторой степени золото, были достаточно ликвидны для размещения своих резервов.

Издание «FT» в своей статье выделило три основных направления в политике Китая.

1. Стремление Китая покупать гособлигации США снижается.
2. Китай расширяет свою программу развития за границей, как по финансовым, так и по геополитическим причинам.
3. Продвижение юаня как мировой валюты «постепенно освобождает Пекин из долларовой зоны».

Статья в «FT» приводит нас к выводу о том, что эпоха безграничных привилегий для США как страны, выпускающей мировую валюту, приходит к концу. При этом ей на смену придет двуполярный валютный мир с двумя основными валютами — долларом США и юанем.

Любопытное наблюдение было сделано осенью 2011 года, когда выяснилось, что иногда лучше обладать неконвертируемой валютой, чем конвертируемой. Такой, например, как китайский юань. А толч-

ком к этому пониманию послужила «война валют», начавшаяся в сентябре-октябре 2011г. Китай — один из основных ее участников. Главный плюс неконвертируемости юаня состоит в том, что против него очень трудно организовать атаку. Этим денежным единицам на рынках мало, из-за чего их трудно скупить в необходимом количестве. По этой причине юань практически неуязвим для Вашингтона и Китай может держать его курс таким, чтобы не удорожать свой экспорт в США. Впрочем, у Китая относительно судьбы юаня существуют далеко идущие планы. По замыслу его властей, юань должен стать, ни много ни мало, мировой резервной валютой. И произойти это должно примерно к 2020 году, когда его экономика, по прогнозу Standard Chartered, обгонит экономику США и станет крупнейшей в мире.

И это вполне логично, валюта крупнейшей экономики мира просто не может не стать резервной.

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (Воеводина Т.В.):

Скажите, пожалуйста, Сергей Анатольевич, как вы относитесь к переносу столицы куда-нибудь в район Иркутска в связи с поворотом в сторону Азии? Когда-то Петр I перенес историческую столицу поближе к тем местам, где разворачивались главные исторические события. Может быть, нам сейчас так же поступить?

Ответ:

Об этом, действительно, очень много в последнее время говорят. В экспертном сообществе доминирует мнение, что коль скоро после распада СССР у нас две трети страны оказались в Азии, может быть, подумать и о том, чтобы центр политической власти, наш мегаполис переместить. Как мне представляется, делать этого не нужно, как не нужно вообще дразнить гусей и дестабилизировать общественное мнение в непростой ситуации. Лучше развивать эти регионы, а не столицы переносить.

Вопрос (Воеводина Т.В.):

А это не поможет развить?

Ответ:

Думаю, что нет. Захотят развивать — разовьют.

Вопрос (Ефремов О.А.):

Скажите, пожалуйста, Сергей Анатольевич, вы упомянули о том, что Китай разворачивает сегодня глобализационный проект, основанный на конфуцианских ценностях, если я правильно понял. И вы сказали, что Россия, по идее, должна предложить свой. Если она его должна предложить, на ваш взгляд, на чем он будет основан?

Ответ:

Я думаю, что на сегодняшний день это должна быть идеология разумного консерватизма, на базе которой мы можем и должны создать Мировой консервативный клуб. И по большому счету нам сейчас его предложить, как это ни странно, довольно просто, не выдумывая ничего нового, по одной простой причине. Мы же, к

сожалению, сформулировали когда-то в нашей Конституции, что у нас идеологии нет. Это была, на мой взгляд, глубочайшая ошибка, потому что не может быть государства, в котором нет идеологии. Тогда оно перестает быть государством. В результате мы получили в 1990-е годы массивный экспорт навязываемых либеральных ценностей, которые показали свою неэффективность и несостоятельность на российской почве.

Если сегодня мы будем возвращаться к тем ценностям, которыми жили Европа и Россия когда-то, адаптированным к современным вызовам, наверное, в этом разумном консерватизме и будет тот смысл, который мы можем предложить на уровне здоровых семейных ценностей, на уровне не однополых, простите, а полноценных браков, на уровне развития понимания того, что государство и коллектив все-таки выше, чем твои личные интересы. Этот очень простой список, повторяю, на уровне простого и ясного консерватизма, призыва к истокам — его, мне кажется, начали слышать в России, услышат и в Европе, если мы будем последовательными.

В течение прошедшего года мне довелось побывать в Австрии, во Франции, и в Италии. Смее утверждать, что официоз западной пропаганды сильно отличается от общественного мнения в этих странах. В кулуарах форумов и симпозиумов люди подходят и шепчут: «Путин молодец, мы тоже с вами, с трибуны мы, конечно, это не скажем». Так что зерна этих здоровых тенденций есть. Я думаю, что они должны возобладать. Любая болезнь имеет свой финал. Организм должен выздоравливать рано или поздно. А то, что с Европой пока происходит — это, мне кажется, форма очень тяжелого заболевания.

Вопрос (Березина И.М.):

Вы сказали, что после Второй мировой войны начал формироваться центр сверхвласти во главе с США. Ваше мнение и ваша оценка: не наблюдаем ли мы сейчас формирование нового центра сверхвласти, возглавляемого Китаем, и не способствует ли этому тенденция азиатизации мира, о которой вы упомянули? По вашему докладу сложилось впечатление, что китайское руководство осознает свои потенциалы к сверхвласти. Так ли это?

Ответ:

Спасибо. Да, действительно, судя по приведенным цитатам (мы же с вами все-таки языком источников должны говорить), такой

потенциал есть. Безусловно, не хотелось бы впадать в абсолютную эйфорию, в том числе на фоне совместных морских учений в Средиземном море и т. д. Мне кажется, надо к китайцам относиться с их же китайской философией, т. е. понимая, что мы группируемся, но группируемся и солидаризируемся, может быть, на какое-то время, не навсегда. Поэтому эту опасность, в том числе и нависание китайцев над Восточной Сибирью и Дальним Востоком, надо осознавать.

И в том случае, если мы будем прагматичными, если сосредоточимся на экономическом развитии, в том числе этих регионов, выиграем гонку вооружений, в том числе и с Китаем, сохранив опережающие темпы развития военных технологий, — в этом залог того, чтобы не оказаться зависимыми от Китая так же, как когда-то мы оказались зависимыми от Соединенных Штатов. Здесь все зависит только от нас. Дадим слабину — значит, будет так, как будет.

Вопрос (Мальцев В.):

К сожалению, из доклада не смог сделать соответствующий вывод. Могли бы вы пояснить, насколько для России оправдан какой бы то ни было разворот на Восток, на Запад, кроме разворота к самим себе? С учетом того, что у современной России нет возможностей не только по переустройству мира, о чем вы говорили, но и даже по освоению собственной территории; и что доминирование права силы, о чем вы тоже говорили, никуда из современного мира не делось.

Ответ:

Что касается вопроса о развороте на Восток, то мне кажется, что я достаточно детально на нем остановился. Еще раз подчеркну, что если это продуманное, взвешенное, не сиюминутное, а стратегическое решение, то оно абсолютно оправдано в силу объективной картины понимания того непреложного факта, что центр мировой торговли передвигается в сторону Азии. Совершенно же логично нам поворачиваться в сторону тех экономик, которые более динамичные, и где наши технологии и наши ресурсы на сегодняшний день могут быть более эффективно востребованы. Поэтому мне кажется, что этот разворот — не ответ на западные санкции, а глубоко осознанная, как хотелось бы верить, стратегия, которая вызревала в течение 14 лет. А западные санкции стали, как мне кажется, лишь катализатором, но не первопричиной этого разворота.

Вопрос (Мальцев В.):

То есть если Турция начнет демонстрировать такие же темпы, станет центром экономического мира, то нам необходимо будет ориентироваться на Турцию в первую очередь?

Ответ:

К Турции мы уже повернулись, учитывая «Турецкий поток». Китай, в отличие от Саудовской Аравии, чеченцев и сепаратизм не поддерживал.

Вопрос (Багдасарян В.Э.):

Сергей Анатольевич, я хотел бы задать вопрос о ценностном сближении. Не смущает ли Вас такое обстоятельство: китайская культура, все-таки культура без бога в понимании бога у других народов, т. е. источник происхождения ценностей другой — отсюда многое из того, что мы видим в Китае. Скажем, конфуцианский корпоративизм и русская соборность по природе феномены скорее противоположные друг другу. А возможно ли сближение в ценностном плане в принципе столь разных культур и даже, может быть, в чем-то антагонистических?

Ответ:

Спасибо. Вардан Эрнестович эту тонкую грань верно подметил. Я абсолютно согласен с тем, что разница культурных кодов у нас с Китаем столь колоссальная, что общая мировоззренческая линия в плане аксиологии невозможна. Поэтому в треугольнике «США — КНР — Россия» китайцы только чуть понятнее на фоне воинственного индивидуализма и либерализма, который предлагает Запад.

Поэтому тактика предлагается все та же: создание временных альянсов для решения совершенно конкретных прагматических задач при четком осознании собственной российской матрицы. Речь не идет о том, что у нас с Китаем может быть некое культурное сходство. Здесь значительно больше различий, чем общего, конечно.

Вопрос (Кравченко Л.И.):

Если посмотреть на структуру китайских инвестиций, то видно, что преимущественно они идут в разработку месторождений и лесное хозяйство. Аналогичная структура китайских инвестиций в Латинской Америке и в Африке. Учитывая это, можно сделать

прогноз, что в долгосрочной перспективе китайские инвестиции и дальше будут вкладываться в эти же сектора, т. е. Дальний Восток и Сибирь, по сути дела, станут ресурсными придатками китайской экономики. С точки зрения долгосрочных целей развития страны насколько для России это выгодно и нет ли здесь опасностей?

Ответ:

Безусловно, это опасная тенденция. И нам надо приложить усилия к тому, чтобы Восточная Сибирь и Дальний Восток не стали ресурсными придатками Китая. Именно в этом, собственно говоря, и заключается, как мне кажется, «азиатский план» Путина по развитию этих территорий — прежде всего Дальнего Востока и Восточной Сибири. Если мы станем придатком, то тогда роль младшего брата останется навсегда.

Вопрос (Кравченко Л.И.):

Но пока мы видим, что реализованы лишь два соглашения по строительству двух трубопроводов. Получается, что мы реализуем стратегию ресурсного придатка?

Ответ:

Это же начало пути.

Вопрос (Сулакшин С.С.):

Прошу прощения. А какой такой «азиатский план» Путина? Это что за документ, на каком уровне он принят, кем он принят? Можно узнать?

Ответ:

Не сомневался, что этот вопрос возникнет. Та формулировка, которую я себе позволил — это, скажем так, квинтэссенция ряда положений из речей президента, когда он говорит о развитии Восточной Сибири и Дальнего Востока.

СУЛАКШИН С. С.:

Понятно. То есть это не план, а квинтэссенция.

КРАВЧЕНКО Л.И.:

Это территории опережающего развития, наверное.

Ответ:

Так называемые ТОР, в том числе речь идет об этом. Мы находимся в начале этого поворота. Эти вещи, которые вы констатируете — они абсолютно бесспорные. Но наряду с этим есть же еще и проекты, не только завязанные на ресурсную базу. Тот же совсем недавний проект создания дороги Москва — Пекин, высокоскоростной магистрали, который «China Railway Corporation» подписала с ОАО «РЖД», с Владимиром Ивановичем Якуниным.

Это очень важный момент, потому что уже раздалась критика: «Ну а смысл? Ну, будет это высокоскоростная магистраль, не 18 дней, а два дня будут идти грузы — и что? Все равно по морю дешевле». Но это как раз проект, имеющий колоссальную не только экономическую значимость, потому что он включен в доктрину «Экономического пояса нового Шелкового пути», это еще и геополитический проект, потому что это реальная альтернатива морским путям доставки, которые контролирует 6-й американский флот, это приобретение независимости и маневра, об этом тоже не надо забывать.

СУЛАКШИН С.С.:

Этот момент, наверное, в дискуссии должен быть развернут немножко более подробно, потому что это еще и рынок сбыта китайской машиностроительной, металлургической и прочей промышленности, и поток грузовой ветки контейнерных перевозок китайскими компаниями.

Вопрос (Иванов Е.О.):

Сергей Анатольевич, из вашего доклада возникает понимание Китая как самодостаточной политической глобальной силы, и одновременно мы говорим о треугольнике, говорим о Вашингтоне. В связи с этим вопрос: какие у Запада есть рычаги воздействия на Китай, в том числе в аспекте развития российско-китайских отношений? Ведь очевидно, что если действительно стратегически будет избран курс сближения России с Китаем — это не останется без реакции Запада. И не может ли случиться, что Запад просто надавит на определенные рычаги, и Китай просто холодно отвернется, скажет: «Нет, мы особо дружить не будем»?

Ответ:

В целом общеизвестный факт, что китайцы — самодостаточная цивилизация. Что касается российско-китайских взаимоотношений,

то Китай напрямую заинтересован в том, чтобы именно в оборонном плане Россия и Китай могли стоять сейчас спиной друг к другу. Вы понимаете, о чем я говорю, да? Не лицом, как раньше, а именно спинами. Китаю это чрезвычайно важно. И в этом плане, если бы у Китая такая же протяженная граница, как с Россией, была бы с Соединенными Штатами, возможно, этот треугольник имел бы совершенно другую конфигурацию. Я думаю, что это основная причина тех взаимоотношений, которые Китай выстраивает с Россией.

Что касается попыток давления — они все оказались неэффективными. Вы хорошо помните попытки создать «пятую колонну» в Китае, волнения в Гонконге, и чем они завершились. Они были не столь длительными по большому счету, особенно учитывая то, что была выбрана именно студенческая и профессорско-преподавательская элита, которая получала образование на Западе.

То есть невозможность взорвать Китай изнутри для Запада факт. А иных рычагов — военных, экономических — на сегодняшний день, по-моему, уже не существует. Хотя очень долго, еще лет семь-восемь назад, говорили о проекте, вы помните, когда Соединенные Штаты прилагали огромное количество усилий для создания этого альянса — Киамерики, для того, чтобы разделить мир. Но Китай на это не пошел, хотя в то время и позиция доллара была другая, а активы Китая были напрямую завязаны на эту ситуацию. Сегодня Сорос уже пытается допустить мысль о том, что юань станет одной из резервных валют Международного валютного фонда.

Вопрос (Лебедев А.):

Хотел бы услышать ваше короткое мнение. Вы упомянули Крым. Учитывая, что у Китая, как мы с вами знаем, есть определенное количество спорных территорий, при определенном обострении ситуации какую позицию, на ваш взгляд, займет Китай? Признает Крым — и тем самым поставит свои территории под вопрос?

Ответ:

У Китая ведь тоже существует проблема возвращения территорий. И в этом смысле путинская политика, которая нацелена на то, чтобы консолидировать страну, чтобы собирать территории, очень понимаема в Китае. Поэтому я думаю, что мы можем даже не в каком-то таком прогностическом режиме говорить, а скажем с вами честно, что в целом факт присоединения Крыма уже не обсуждаем

и в целом признан, т. е. вопрос закрыт. Поэтому я думаю, что когда встанет вопрос выбора, то при всей китайской осторожности выбор будет сделан в правильную сторону.

Вопрос (Сулакишин С.С.):

Позвольте мне тоже вопрос задать. Вы сделали утверждение, что геополитический и геоэкономический поворот России на Восток — это глубоко продуманная стратегия. Стратегия — это набор крупных инициатив, крупных проектов. Из доклада следует, что есть две крупные точки — сбыв углеродородов и ожидание внешних инвестиций. В этом ничего нового нет, кроме азимута. Вопрос: какие крупные стратегические целеполагания существуют не в режиме, как вы говорите, «хотелось бы верить, что...», а в реалиях — документальных, договорных, политических?

Ответ:

Степан Степанович, спасибо за вопрос. Я могу на него ответить только с упоминанием сослагательного наклонения — «хотелось бы», потому что на сегодняшний день хотелось бы надеяться на то, что этот разворот — это результат 14-летних метаний и исканий и это глубоко продуманная и стратегически выверенная позиция. Если мы говорим действительно о стратегии, в которой должно быть четко прописано целеполагание (как правительственный документ — четко, ясно и по пунктам), такой доктрины не существует, и я выразил именно собственное мнение о том, что не хотелось бы (опять же простите за это сослагательное наклонение), чтобы, когда развеются тучи в отношениях с Западом, а они неизбежно развеются, мы снова не повернулись бы не в ту сторону. Надо уйти от метаний и импровизаций. Не менять в одночасье политическую ориентацию. Следует видеть политические дивиденды и в отношениях с Востоком и с Западом. Не даром, российский орел смотрит и на Запад и на Восток.

**Два актуальных проекта мировой гегемонии:
Россия в геополитических тисках**

Багдасарян В.Э.

При обращении к проблематике вызовов, связанных с позиционированием современного Китая, во мне борются два противоположных чувства. С одной стороны, это политические соображения: если сегодня и Китай будет против России, то тогда совсем плохо. Но, с другой стороны, есть экспертная позиция, и необходимость предупредить, какие угрозы содержит в себе для России китайская перспектива.

Историческую аналогию я бы провел с геополитической ситуацией XIII века. Исторический выбор князя Александра Невского — с кем быть — с Западом или с Востоком? Русь оказалась между двух огней. В той ситуации Александр Невский сделал все-таки выбрал в пользу Востока. Западная опасность для православной цивилизации была более весомой. Но и Орда не являлась для Руси цивилизационным союзником. Потом суверенитет пришлось восстанавливать тоже достаточно большой кровью.

Существует исторически реализуемый западный проект. О его содержании сегодня много говорят и пишут на разных уровнях. Целевой ориентир западного проекта — мировое господство. Но есть сущностно такой же китайский проект. Это, соответственно, проект китайского мирового господства. Но если речь идет о мировом господстве, значит, в целевом воплощении Китай господствует над остальными, в том числе и над Россией, в том числе и над русскими.

В этом году отмечается 70-летие Ялтинской-Потсдамской системы. Одна из ее краеугольных основ — наличие пяти государств, включенных в качестве постоянных членов в Совет Безопасности ООН и обладающих правом вето (США, Великобритания, Франция, СССР / Россия, Китай). Почему эта пятерка была сформирована именно таким образом? Не только потому, что соответствующие государства внесли решающий вклад в победу над странами «оси», но также и ввиду того, что это те пять стран, которые на момент учреж-

дения ООН обладали потенциалами реального, а не декоративного суверенитета. Рухнули далее французская и английская империи и количество потенциально суверенных государств сократилось до трех. На настоящее время формальным суверенитетом обладают более 200 государств мира. Но, по большому счету, суверенных государств, потенциально способных проводить самостоятельную политику, всего три: США, Китай и Россия. И этот обозначенный сегодня треугольник вполне адекватно геополитические реалии современного мира.

Когда мы говорим о Китае, стоит обратить внимание на само название страны. Реконструируем подлинное название Китая и с содержанием китайского проекта все становится ясно. Российское название — Китай, как известно, не совпадает с китайскими самоназваниями. Наиболее устойчивыми из этих самоназваний оказались два. Одно из них — Тянься (Поднебесная) — Тянь — небо, Ся — низ, подножье неба. Китай, таким образом, определяется как Поднебесная страна. А что же тогда остальные страны? Близости к небесам они оказываются лишены.

Другое самоназвание Китая — Чжунго — «срединное государство». Официальное название государства, именуемого у нас как Китайская Народная республика звучит как «срединная, цветущая народная республика».

Исторически воспроизводилась в Китае следующая семиотическая модель отношения с миром. Мир делится на две ниши бытия — Поднебесное государство и земли варваров. Китай жестко отделялся от некитайского варварства. И это видение воспроизводилось исторически тысячелетиями.

Земля обозначалась схематически ромбом. Небо, трактуемое не просто как небесный свод, а высший закон, обозначалось кругом. Но только Китай — Поднебесная существует под небом. Другие народы пребывают вне неба, т. е. вне высшего закона. Это и есть имманентная характеристика варваров.

Китайская система мироустройства жестко иерархична. В центре нее находится император. Его окружает внутренний круг — чиновничество центра. Есть внешний круг — китайская периферия. Далее от центра находятся окультуренные варвары. Часть некитайского мира, важно зафиксировать, поддается, таким образом, аккультурации. И есть, наконец, варвары, которые не могут быть окультурены: северные, западные, восточные, южные. Северные варвары называ-

ются Ди, и русские, равно как и американцы, оказываются в их числе. Другого отношения в Китае к внешнему миру, чем к миру варваров, не было. И архетип этого отношения сохранен. (Рис. 1).

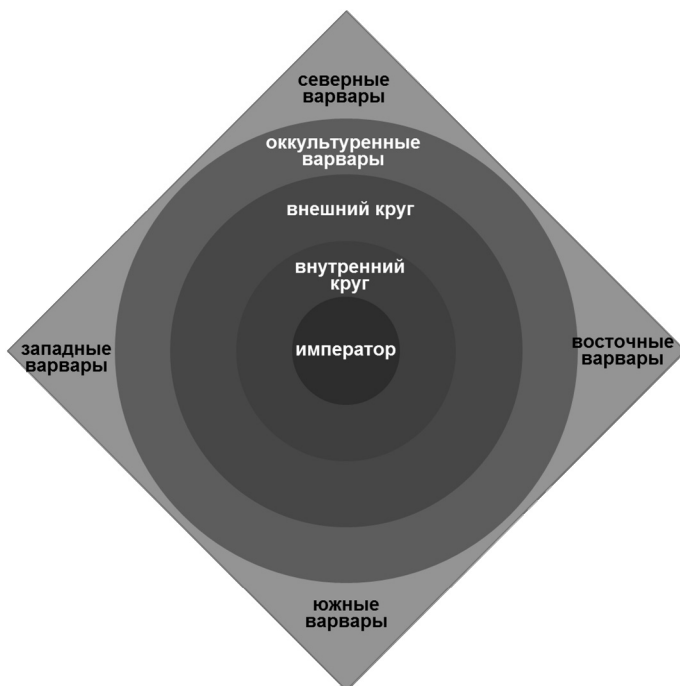

Рис. 1. Символическое средневековое изображение Китая

Доходило до курьезов. Восемнадцатый век — эпоха экономического прорыва Великобритании. Посланники английского короля Георга III прибывают к китайскому императору. Этот приезд был интерпретирован так: прибыли данники от английского короля. Их похвалили за то, что они хотят приобщиться к благам подлинной великой цивилизации. Иначе система отношений с другими народами и не мыслилась.

Поднята проблема «утраченных территорий». Императив — вернуть территории по сей день входит в идеологический арсенал Китая. Правда, эта идеологема предназначена, главным образом,

для внутреннего пользования, но данное обстоятельство только указывает на серьезное к ней отношение. Перечень утраченных Китаем территорий впервые был объявлен фактически сразу же после свержения режима императора империя и провозглашения республики. В утраченные территории вошли: Дальний Восток от Камчатки до Сингапура, Бутан, часть Афганистана, Индия и т. д. Шли годы. В 1965 году Мао Цзэдун сделал следующее заявление: «Мы обязательно должны заполучить Юго-Восточную Азию, включая Южный Вьетнам, Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур. Такой район, как Юго-Восточная Азия, очень богат, там много полезных ископаемых, он вполне заслуживает затрат, чтобы заполучить его. В будущем он будет очень полезен для развития китайской промышленности. Таким образом, можно будет полностью возместить убытки. После того как мы заполучим Юго-Восточную Азию, в этом районе можно будет увеличить наши силы; тогда мы будем иметь противостояние советско-восточному европейскому блоку». Но претензии не ограничивались азиатским регионом. Речь шла не о региональном доминировании, а именно о мировой гегемонии. Тогда же в 1960-е годы Мао пояснял: «Мы должны покорить земной шар... По-моему, важнее всего для нас — это земной шар, где мы создадим мощную державу».

Могут возразить, что маоистский Китай — это идеологически принципиально иное государство, чем Китай современный. Но обратимся к Конституции КНР. Она была принята в 1982 году, т. е. в постмаоистский период. Но в ней определенно говорится о верности Китая в будущем идеям Мао Цзедуна и Дэн Сяопина.

Речь идет не о просто об утраченных исторически территориях, а о «временно утраченных». Это значит, что период их отторжения должен со временем быть завершен. Внутренняя рефлексия возвращения территорий никогда на протяжении уже ста лет не пресекалась. «Утраченные территории» Китая обозначены как китайские земли даже на уровне школьных учебников. В «утраченные территории» зачисляются: Бирма, Лаос, Вьетнам, Непал, Бутан, север Индии, Таиланд, Малайзия, Сингапур, Корея, острова Рюкю, 300 островов Южно-Китайского, Восточно-Китайского и Желтого морей, Киргизия, Южный Казахстан, афганская провинция Бадахшан, Монголия, Забайкалье и юг Дальнего Востока вплоть до Охотска. Совокупно это 10 миллионов квадратных километров. Совокупная территория КНР сегодня — 9,6 миллиона километров. Таким образом, Китайская На-

родная Республика — это сегодня государство, которое артикулирует наибольшие территориальные претензии.

Существует особый китайский культурный код, игнорирование которого означало бы попадание в отношении Китая в стратегическую ловушку. Китайская культура выстраивалась без идеи Бога, вокруг которой осуществлялось культурное строительство других народов. Идея Неба — это нечто иное. Итак, имеет место культурный код, исключаящий понятие Бог. Не с этим ли связан и известный материальный практицизм, и жестокость в отношении противников и непокорных. Иного понятия, чем этноцид в отношении покоренных народов — тех же уйгуров, или джунгар в отношении китайской внешней экспансии трудно подыскать. Василий Верещагин, написал свою картину «Апофеоз войны», как известно после посещения Западного Китая, мест императорских репрессий против уйгуров и дунган.

А ли китайцы, если дело дойдет до конфликта, иначе относиться к русским, чем относились они к уйгурам? У меня большое сомнение.

Исторически памятен конфликт на Даманском. Совсем недавно были опубликованы фотографии оскверненных тел советских военнослужащих, которые погибли оказавшись в руках китайцев. До сих пор в Музее Народно-освободительной армии Китая выставлен советский трофейный танк «Т-62» доставшийся китайцам во время конфликта на Даманском. Рядом японские танки, захваченные у противника во время Второй мировой войны. После конфликта на Даманском активизировалось строительство БАМа. Это было связано не только с перспективой освоения ресурсов Дальнего Востока, но реальной военной угрозой Китая. Тогда, в период существования СССР, она была реальна. А сегодня? Китай мыслит в категориях большого времени. И в этом смысле, считать, что угроза ушла ввиду нынешнего потепления отношений Москвы и Пекина было бы заблуждением.

Китай усиливает свои позиции не только как экономический, но и глобальный идеологический игрок. Прежде, со времен Дэна Сяопина, искусственно формировалось впечатление, что КНР интересуется во внешней конвертации только экономика. Сегодня Китай предъявляет миру не только дешевые товары массового потребления, но и определенный идеологический меседж. Наличие этого меседжа наглядно проиллюстрировала Пекинская Олимпиада.

В контексте семидесятилетия окончания Второй мировой войны начался новый виток дискуссии о вкладе союзников в победу. По-

зиции о решающей роли СССР противостоит традиционно позиция англо-саксов. Новым является включением в эту дискуссию третьей стороны — Китая. Приехавший на празднование Победы в Москве Си Цзиньнин пригласил Путина на парад 3 сентября, который пройдет в Пекине. То есть итог всех праздничных мероприятий подводится не в Европе, и не в России, а именно в Китае. Не 8 мая и не 9 мая, а 3 сентября ставится точка мировых юбилейных торжеств. А кто потерял больше всего населения во время Второй мировой войны? Советский Союз? Да нет — Китай. Он потерял более 30 миллионов. Наибольшие жертвы, соответственно, и наибольший вклад в победу. Очевидны попытки идеологического смещения оси истории в направлении Китая.

И никогда Китай от идеи мировой экспансии по большому счету не отказывался. Сменялись методы. Они могли быть на определенном этапе преимущественно экономическими. Сейчас к власти в КНР вместо группировки, которая условно именуется «шанхайский клан», пришел «пекинский клан». Для него характерна политика усиления наряду с экономической составляющей, также идеологической и военной компонент. И это, по-видимому, становится трендом.

И понятно, какие стратагеми в свете обозначенных вызовов должен принять Китай в отношении России. Китай сегодня обходит США по объемам ВВП. Каждый раз когда предпринимались попытки обойти мирового экономического лидера, случались большие войны или революции. Соответственно, и сегодня США должны сделать все, чтобы не допустить утраты экономического первенства. В Китае это тоже не могут не понимать.

Что лучше всего в этой ситуации для Китая? Выставить вместо себя кого-то другого, найти в замен иного поединщика и подтолкнуть к борьбе с геополитическим противником. Собственно, Китай это и делает. Поединщик был найден — Россия. Кто выиграл прежде всего от конфликта России и Запада? Конечно, Китай. Бенефициар в этом треугольнике очевиден.

Теперь несколько слов о Соединенных Штатах Америки. США претендуют на весь мир. Ни из какого региона мира они уходить не собираются. Такой уход означал бы провал американского проекта. Факт выхода Китая по объемам ВВП на первую позицию в мире само по себе геополитического заката США не означает. Согласно данным длинных статистических рядов Ангуса Мэдисона, Китай почти всегда в истории был первым по объему внутреннего валового

продукта. Он был первым и в XVIII веке, и в XIX веке, при том что к концу этого периода превратился фактически в полуколониальную страну. Есть, очевидно, и другие, помимо объема ВВП, составляющие геополитической мощи государств. И в этих совокупных раскладах поражение США не очевидно.

Сравнительно недавно была обнародована Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки. В ней черным по белому определено содержание политического курса США в разных регионах мира, включая азиатский регион. Собираются, или не собираются США уходить из Юго-Восточной Азии? Прочитую: «Соединенные Штаты остаются и останутся силой в Тихоокеанском регионе. В следующие пять лет около половины всего мирового роста за пределами Америки будет обеспечиваться Азией. Это означает, что вызовы безопасности в этом регионе — включая морские территориальные споры и провокации Северной Кореи — подвергаются риску перерасти в конфликт. Лидерство Америки будет оставаться определяющим фактором формирования долгосрочной траектории развития стабильности и безопасности, коммерции и торговли с помощью открытой и прозрачной системы и фактором гарантий уважения всеобщих прав и свобод в регионе. Для претворения в жизнь этого видения мы диверсифицировали наши отношения в области безопасности со странами Азии, а также наше положение и присутствие в регионе». И далее американская позиция непосредственно в отношении Китая: «До тех пор, пока между нами существует конкуренция, мы отвергаем возможность конфликта. В то же время мы будем управлять конкуренцией с позиции сильной стороны и настаивать на соблюдении Китаем международных правил и норм по вопросам, начиная от морской безопасности для торговли и заканчивая правами человека. Мы будем пристально следить за ходом военной модернизации Китая и расширять свое присутствие в Азии, но в то же время искать способы, чтобы избежать недопонимания и просчета».

Никуда Америка из региона уходить не собирается и будет бороться за этот регион до конца. При этом США могут действовать против Китая и чужими руками, равно как Китай действует против Соединенных Штатов руками России. И в этой связи заслуживает внимания геополитическая активизация Японии. Усиливается и актуализируется конфликт Японии и Китая. Это в значительной степени политика Вашингтона — подтолкнуть Японию к конфликту

с КНР. Пребывая в Вашингтоне, японский премьер-министр заявил: «Мы будем стремиться возвращать ведущий статус в этом регионе Японии». Понятно, что попытки возвращения этого статуса не могут не привести к столкновению с Китаем. США будут всячески раздуривать этот конфликт.

Есть, конечно, точки уязвимости у США. Есть точки уязвимости у Китая, и их достаточно много. На эти точки Соединенные Штаты попытаются воздействовать.

Каковы эти точки китайской уязвимости?

Во-первых, высокая степень зависимости от внешней торговли. В КНР этот показатель (экспорт плюс импорт к ВВП) выше даже чем в России. По данным за 2013 год в Российской Федерации он составлял 42%, в КНР 47%, тогда как в США — только 25%.

Во-вторых, Китай имеет самую большую в мире бумажную массу золотовалютного резерва. Но золота в ЗВР КНР только 1%. Все остальное — бумага — главным образом, доллары. Есть такая точка зрения, что Китай — это вообще американский проект, созданный для сбыта избыточной долларовой массы. Об американском проекте «большого Китая» прямо писал, в частности, Збигнев Бжезинский. Зависимость от доллара в любом случае создает для КНР точку уязвимости.

В-третьих, сепаратизм китайских регионов. Обратимся к принятому в США в 1959 году, но не отмененному по сей день Закону о порабощенных нациях. Закон закладывал прежде всего деструкцию советского пространства. Но в нем был заложен и сценарий деструкции Китая. Тибет по этому закону отделяется от Китая. Закон, подчеркну еще раз, не отменен до сих пор.

В-четвертых, фактор этнических противоречий. То, что 92% населения КНР объявляются ханьцами не значит, что все они действительно таковые. Запись большинства населения в ханьчжен была проведена Мао Цзэдуном. Но по сей день сохраняется де-факто иная этническая идентичность многих номинальных хань. Как разыгрывается при желании межэтнических конфликтов хорошо известно.

В-пятых, значительные социальные диспаритеты. Сегодня, несмотря на то, что во главе Китая стоит Коммунистическая партия, он занимает второе место в списках долларовых миллиардеров в мире. Первыми идут США, вторым Китай, третьей — Россия. В Японии, говорят: да, конечно, большинство китайцев живет хуже японцев, но 200 миллионов лучше, чем японское население. Двести

миллионов — это больше совокупного населения Японии. Все более возрастает ненависть одних социальных групп к другим. Особенно остро это проявилось в конфликте в Гонконге. Фактор социальных диспаритетов, как известно, везде и всегда использовался как детонатор революций.

Таким образом, два глобальных актора сталкиваются между собой. Конфликт этот рано или поздно перейдет в более напряженную фазу. Не исключен вариант, что США и Китай попытаются договориться и поделить мир. Пакт Молотова — Риббентропа в современной модификации может выглядеть как пакт Обамы — Си Цзиньпина. Менее всего хотелось бы в этой ситуации, чтобы Россия оказалась расходным материалом в данной конфронтации. Пока складывается впечатление, что ей эта роль расходного материала и уготовливается большими геополитическими проектерами.

Вопросы к содокладчику и ответы

Вопрос из зала:

Скажите, пожалуйста, вы говорили о глобальных проектах Китая. Но то, что вы описываете — это проекты региональные, т. е., исходя из изложенного Вами, у Китая нет мировых амбиций. Скорее он прагматично претендует на то, чтобы быть ведущей державой в мире и получать с этой позиции дивиденды. В чем все-таки глобализм китайских проектов?

Ответ:

Обратимся к историческим аналогиям. Гитлеровский план покорения мира: ставил вопрос о мировом Тысячелетнем Рейхе. Но когда расписывались те территории, которые должны были войти в состав новой германской империи, включенным в нее было далеко не весь мир. Был, можно сказать, региональный план: подчинить Европу, советское пространство до зоны Астрахань-Архангельск. Это зона прямого территориального подчинения. На что-то большее элементарно не хватило бы демографических ресурсов. Но весь остальной мир подчинялся бы германской империи. Германия становилась мировым гегемоном. Проект носил мировой характер, хотя прямое территориальное подчинение очерчивалось определенным региональным масштабом.

В китайской традиции именно так и ставился вопрос — мировая гегемония. Воссоединенные же территории — это та геополитическая платформа, где будут присутствовать этнические китайцы и, опираясь на которую и экономически, и культурно Китай подчинит себе остальной мир. Поэтому я не склонен считать, что Китай ограничен региональными претензиями и не имеет планетарного проекта. Это нам навязывали соответствующее отношение: «Не надо бояться Китая. Он всегда региональный, он не мыслит в категориях глобальных, а потому угрозы России не представляет».

Мое рассмотрение показывает, что от планетарного видения Китай никогда в своей истории не отказывался. Это заложено традицией, реализуется через школьные программы, отражено и в нынешней Конституции КНР. Цитирую фрагмент, относящийся к позиционированию Китая на международной арене: «Достижения Китая в революции и строительстве неотделимы от поддержки народов мира.

Будущее Китая тесно связано с будущим всего мира. Китай ... решительно выступает против империализма, гегемонизма и колониализма; укрепляет сплоченность с народами различных стран мира; поддерживает справедливую борьбу угнетенных наций и развивающихся стран за завоевание и сохранение национальной независимости, за развитие национальной экономики, прилагает усилия в деле сохранения мира во всем мире и содействия прогрессу человечества».

Скажу больше. Вообще ни одна цивилизация не может состоять без наличия планетарного проекта. Если нет этого планетарного проекта, нет и цивилизации.

Вопрос (Кравченко Л.И.):

Сейчас для Китая освоение мира — это экономическая экспансия при сопровождении идеологической составляющей, в частности, информационных агентств. Как вы оцениваете вероятность того, что в ближайшие десять лет Китай сможет задействовать силовые ресурсы в международных отношениях?

Ответ:

Тактика Дэна Сяопина действительно состояла в том, чтобы уйти от прямых силовых конфликтов. Китайская экспансия в соответствии с ней осуществлялась через экономику. Это сяопиновская тактика сыграла и продолжает играть свою роль. Но властная клановая группировка сейчас в Китае поменялась.

Внутри китайской элиты существует на настоящее время две основные клановые группировки. Условно они обозначаются как «шанхайский» и «пекинский» кланы. Шанхайцы — сторонники курса Дэна Сяопина. Шанхайский сценарий был сценарием капиталистического дрейфа КНР. Пекинцы придерживаются левой платформы. Их идеология — неомоизм.

Долгое время власть была сосредоточена в руках шанхайской группировки. Тиражировался взгляд, будто бы современный Китай волнует исключительно экономика, задач же внешней идеологической экспансии в актуальной повестке развития нет. Но вот, Китай достиг того положения, когда он уже может позиционироваться как сверхдержава, способная бросить вызов в борьбе за мировую гегемонию США.

В соответствии с этим вызовом времени в Китае усиливаются позиции пекинцев. Выбранный в 2012 г. Генеральным секретарем

ЦК КПК Си Цзиньпин оценивался первоначально как компромиссная фигура между шанхайцами и пекинцами. Но, придя к власти, он определенно занял сторону пекинского клана. Это проявилось как в политических шагах, так и кадровых назначениях. КНР при нем, очевидно, будет усиливать идеологическую пропаганду и усиливать вооруженные силы. Уже сейчас тратятся огромные средства на вооружение, реализуются программы модернизации вооруженных сил.

Некоторое время назад руководство Компартии Китая распространило среди членов КПК циркуляр, в котором западные демократические ценности определяются в качестве угрозы национальной безопасности страны. Китай возвращается к формату жесткой идеологической полемики.

За счет одной экономики победить нельзя. Экономика — это одна из составляющих геополитической борьбы. Американское могущество держится на трех основных факторах: финансово-экономическом (эмиссия долларов), военном (возможность разбомбить едва ли не любую страну в мире) и идеологическом (трансляция через подконтрольные медиаресурсы американских ценностей). Это формула успеха. Экономика у Китая уже достаточно агрессивная и мощная. В военную сферу вкладывают средства. Идеологические ресурсы тоже поднимают на уровне глобальных заявок.

Вопрос (Кравченко Л.И.):

А можно еще уточнить? Этот силовой компонент будет связан с территориальными спорами, в которых будет активно задействован Китай, или же по примеру Соединенных Штатов Америки — вмешательство в региональные конфликты?

Ответ:

Знаете, у Соединенных Штатов Америки было все, в том числе были территориальные приращения. Первоначально США представляло собой тринадцать штатов на побережье Атлантического океана. Далее территория последовательно расширялась. Американский опыт говорит о том, что в геополитической борьбе нет ограничений: можно действовать и через присоединение территорий, и через установление марионеточных режимов. Одно не отвергает другое. Общая стратегия борьбы за мировую гегемонию допускает различные тактические ходы. Одно не ставит крест на возможности другого.

Вопрос (Пак Н.К.):

Вардан Эрнестович, на ваш взгляд, каково место России в стратегических планах Запада и Китая? И как бы вы описали возможное стратегическое позиционирование России в этой связи?

Ответ:

На одном из семинаров уже обсуждался подобный вопрос в контексте другой проблематики — концепции многополярного мира. Согласно этой концепции, есть ряд центров силы, делящих мир на зоны регионального влияния. С этим концептом, я полагаю, победить нельзя. По большому счету Россия может выходить только с концептом планетарной ценностной альтернативы. Если мы говорим в категориях глобального проекта, то глобальный проект надо начинать с определения добра и зла. Если мы заявляем, что Россия несет добро — значит, должно быть названо и зло. Но много разных версий добра быть не может. При множественности версий добра возникает возможность и зло назвать в качестве одной из его вариаций.

Соответственно, если мы фиксируем наличие американского и китайского глобальных проектов, то тогда должны предложить свой планетарный проект. Исторически Россия такой проект уже выдвигала. Изменились условия, изменился язык, но все эти изменения не отменяют существа постановки задачи. Нужен ценностный проект, манифест, который Россия адресует миру. А дальше под этот манифест задается и все остальное. Если мы являемся альтернативой мировому бенефициариату, то и должна быть и альтернативная экономика, и альтернативные социальные отношения, и альтернативная культура. Вместо проектов мирового господства Запада и мирового господства Китая, вместо проектов двух агрессивных монстров, должно произойти обращение к традициям русского мессианизма, идее не господства, а спасения человечества. Этим, я думаю, победим.

**Китай, США, Россия: гармония идей и интересов
в национальной стратегии¹**

Ефремов О.А.

На наш взгляд, участников данного «треугольника» было бы уместно сопоставить по критерию соотношения идей и интересов во внутренней и, прежде всего, во внешней политике. Под «идеями» в данном случае понимаются идеалы, принципы, ценностные приоритеты, выступающие в качестве ориентиров политической деятельности. Подобные идеи могут формулироваться интеллектуалами, но представлены, разумеется упрощенно и даже примитивно, в массовом сознании. Интересы есть отражение объективных потребностей граждан государства, связанных со стабильным функционированием и развитием общества как формы и условия их (граждан) существования.

Возможные соотношения идей и интересов многообразны. Так, интересы могут подавлять идеи, носящие достаточно поверхностный и незначимый для определения политики характер. Идея, может, напротив, превалировать над интересами, «навязывая» людям обременительные, а порой и губительные для них приоритеты. Могут также существовать различные варианты баланса идей и интересов.

История Китая, в том числе и современная, демонстрирует явно выраженное доминирование интересов над идеями. Китайская культура вообще прагматична до цинизма. Даже моральные ценности конфуцианства рационально обосновываются с позиций выгоды. Идеи у китайцев всегда выражают интересы, при этом сами идеи могут меняться, но интересы остаются незыблемыми. Китайцы способны принимать различные идеологии, если в данный момент их принципы будут казаться им выгодными (от коммунизма до либерализма), но не слишком «всерьез», всегда с «китайской спецификой», которая заключается в том числе и в умении легко расстаться

¹ Данный текст подготовлен в рамках проектов: №14-03-00796 «Междисциплинарные основания социальной теории: информационные, системно-теоретические и этно-антропологические подходы к изучению общества»; №15-03-00868 «Российское общество и государство в их становлении и эволюции: этно-религиозные, культурно-исторические и коммуникативные контексты».

с этими идеологиями, если таковые разойдутся с их интересами. Легкость отношения к идеологическим основам демонстрировал даже творец «китайского марксизма» Мао Цзэдун: «Мао, закончив написание очередной статьи или выступления, передавал их Чэню (Чэнь Бода — один из сподвижников Мао — О.Е.) со словами: «А теперь добавь сюда марксизм...»².

А в чем же эти интересы, всегда предпочитаемые идеям? «Китайцы — самый прагматичный народ на земле. Культ еды, забота о пищеварении, родственные обязательства, погоня за прибылью в бизнесе. Все четко, жестко, меркантильно...»³ Вот это для китайцев важнее любой идеи. Конечно, не все так примитивно. Естественно, помимо интересов отдельных людей, есть и интересы общества как целого (не обязательно противоречащие индивидуальным интересам, а порой даже обуславливающие их удовлетворение). Интересы общественной стабильности, территориальные, геополитические и т. д. Таковые несомненно существуют, но принцип их определения тот же — сугубо прагматический. Равно как соотношение данной группы интересов и идей.

Во внешнеполитическом аспекте подобная ситуация объясняет следующее:

Во-первых, своеобразный китайский изоляционизм. Среди его проявлений — пренебрежительное отношение ко всему вне Китая. Смесь высокомерия и равнодушия. Происходящее за пределами Китая, особенно в мире «белых варваров», не касается нас, пока не затронет наших интересов. А когда (и если) затронет, подход будет прагматичен до цинизма — «нужно-возьмем» (если получится, конечно). Сомнений в праве не возникнет.

Во-вторых, китайцам чужд всякий мессианизм. Как утверждает профессор Мэй Рэнью, «наша культура не включает в себя одержимость какой-либо миссией»⁴. Любая мессианская идея — дорого и хлопотно. Не окупится. Иными словами, не прагматично. Значит, это не для китайцев. Нельзя, конечно, исключать появления в будущем какого-либо китайского глобального проекта. Но он будет сугубо прагматичен, т. е. станет простым выражением четко определившихся интересов. До этого, правда, еще далеко.

² Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун. М., 2003. С. 42.

³ См.: Комсомольская правда. 6.11.2012. С. 10.

⁴ См.: Комсомольская правда. 7.11.2012. С. 18.

В-третьих, можно говорить о китайской модели союзничества. Китай будет вступать в союз с теми и до тех пор, с кем и до каких пор ему выгодно. Пока союз «дивиденднее» конфронтации. Но, если союзник ослабнет, или союз перестанет приносить выгоду — Китай из такого союза выйдет, да еще и поживится за счет прежних друзей. Ни прошлая дружба, ни сходство идеологий или культур, ни трудности союзника роли не сыграют. Китай будет брать свое. А свое — это то, что ему нужно и что под силу взять.

Вся история отношений Китая с Советским Союзом, а потом и с Россией это доказывает. Показательно и последнее лавирование Китая в условиях санкций. Как бы то ни было, но он смог укрепить свою международную значимость и получить весьма выгодные ресурсные контракты. Причем, выжал из ситуации по максимуму.

В США соотношение идей и интересов несколько иное. Там есть идея — устойчивая и признаваемая, направляющая внутреннюю и внешнюю политику.

Идея эта — «сияющий град на холме», который строили первые переселенцы и который должны хранить и возводить дальше их потомки. В понимании того, каким граду быть, есть определенные расхождения, но сомнений в том, что град этот именно в Америке и американцы — дети его, сомнений нет.

Долгое время фокус идеи был внутри Америки, а от проблем окружающего мира хотели быть подальше. В американском изоляционизме было много схожего с китайским. Но было и существенное отличие — американцы не теряли ощущения связи с другими людьми, в том числе и за океаном. Они были убеждены в том, что идут по общечеловеческому пути, но идут быстрее и успешнее других. Остальные мечтают и изо всех сил стараются их догнать. Таким образом, Америка — всеобщий идеал, весь мир — «недоразвитая Америка», а люди — «недоразвитые американцы». Сомневаться в общечеловечности американского пути и приоритете Америки могут только закоренелые злодеи — «враги рода человеческого» и некоторые «то ли люди, то ли нет». К числу последних частенько относили и русских. Именно о них Р. Пайпс, З. Бжезинский и им подобные пишут как о природных деспотах, агрессорах, рабах, «социал-дарвинистах» и т. д., в любом обличье (самодержавном ли или коммунистическом) представлявших угрозу человечеству. Россия для американцев всегда, как сформулировал Р. Рейган, — «империя зла», противостоящая «сияющему граду». Правда, в «империи

зла» тоже есть люди. Но немного. Те, кто «возлюбил» Америку более всего на свете.

Так что мессианиззм (или богоизбранность, направленная вовне) у американцев, в отличие от китайцев, всегда был. Своеобразный, пионерский. Идите за нами.

Сначала американцы обустроивались у себя, но потом пришла пора подумать о других. Повести их за собой, тем более, что они так этого хотят, и защитить от «врагов рода человеческого» из некоторых «империй зла».

Одержимость подобной идеей дорого могла бы обойтись американцам (и порой обходится). Если бы не одно «но». Привыкли американцы ко всему относиться как к бизнесу. А значит всегда соотносить издержки с прибылью, и на всем сделать хоть какой-нибудь, а профит. В том числе и на поддержке других. Причем, протестантское сознание никакого противоречия в такой ситуации не находило. «Возлюбленные» должны богатеть. Что же это за богоугодное дело, коли дохода не приносит.

Вот этот-то маленький нюанс и оберегает американские интересы от американской же идеи. А точнее, снимает противоречие между ними. «Путь к сияющему граду» должен питать град. Гостиницы там, дорожный сервис, монополия на продажу напитков на пути следования... Если прибыль не оправдывает затрат, значит дело не стоящее. Ищи пути «сокращения издержек» или другой бизнес. Воевать во всех отношениях стало дорого, придумали метод «мягкой силы» и расцвел мир салютом «цветных революций». Правда, и тут не все гладко. Но неистощим американский гений поиска дивиденда! Будут искать.

Отношение Америки к России всегда останется сложным. Она всегда будет восприниматься как одно из главных препятствий американской гегемонии, считается «империей зла», стоящей не пути тех, кто по «стезе добра» устремился к «сияющему граду». Если только не покается, и босая в рубище не побредет с данью к добрым «отцам града сияющего». Суровы они, но милостивы. Примут блудных. Не отрекутся пастыри от овец своих.

А если не покаются, то хоть пусть помогут в бизнесе. Иногда его приходится вести и со злодеями. Если профит во благо.

Что касается Китая, то он, конечно, тоже зло. Но зло, сидящее в своей норе и потому не такое страшное. И выгодное пока. Ухо, однако, остро держать надо. Особенно, чтобы два «зла» не объединились.

А вот в России идея всегда довлела над интересами, особенно во внешней политике. Идея могла быть разной — династической, союзнической, панславистской, коммунистической... Россия всегда готова была пренебречь собственными интересами (интересами внутреннего развития) ради идеи. Мессианизм был всегда присущ русской культуре, причем жертвенность данного мессианизма воспринималась как норма. Конечно, это не означает, что русской внешней политике начисто не присущ прагматизм. В некоторые эпохи он был весьма заметен. Но даже в эти эпохи его приносили в жертву идее. Россия часто воевала за чужие интересы (на Балканах, например), с готовностью приносила себя в жертву союзникам (вспомнить хотя бы неподготовленное наступление в Восточной Пруссии в начале Первой мировой войны, закончившееся катастрофой для России, но спасшее Францию от разгрома).

Не принесла выгод весьма затратная коммунистическая идея, за которую русский народ заплатил в том числе и собственной государственностью, растворенной сначала в советском, а потом уже и в собственно «российском» федерализме. Сплошной жертвой был и ранний постсоветский период, когда страна попросту давала себя разворовывать, принося «покаянную дань» либеральному божеству и его пророкам. Российский мессианизм был чужд всякому изоляционизму и высокомерию, был жертвенным по своей природе. Политики-прагматики, пытавшиеся защищать интересы страны, или по крайней мере, гармонизировать идею и интересы, всегда испытывали жесткое сопротивление. Однако такая внешняя активность принесла России не только международное признание и авторитет, но и обеспечило ей прочное место в мировой системе, которого лишить ее не могут даже всемогущие ныне США.

Причем признание это произошло как на Востоке, так и на Западе. Россия, вольно или невольно, но оказалась мировой державой, без которой не складывается ни одна устойчивая глобальная конфигурация. Провал последней санкционной атаки это подтвердил. Изолировать Россию не удалось. Нуланд едет в Москву. И не с печеньками, как на киевский майдан. Переговоры, как писалось об этом, были весьма конкретны и прагматичны, затрагивая взаимодействие в самых разных сферах. Конечно, в том заслуга не только внешней политики, но и реального потенциала России — ресурсного, евразийского, военного и т. д.

И сейчас время использовать это. России всегда не хватало прагматизма, умения подчинять идею собственным интересам. Теперь

пришло время это осуществить — используя мировую конъюнктуру, конвертировать накопленный потенциал в *выгодное* для России и россиян положение в мировом сообществе.

В России так или иначе заинтересованы все. В том числе и Китай, и США. Роль России — роль посредника, моста, соединяющего Запад и Восток. Мы знаем Запад, нас знают на Западе, за этим знанием стоят века сосуществования. Нам доверяет Восток, воспринимая не как часть враждебного Запада. В этом есть прагматика, но нет предательства идеи, ибо и идея, с которой Россия шла в мировую политику, была идеей объединительной. Проявлялось это и в политической практике (Священный союз, например), и в теории («русская идея»), а порой теория и практика совпадали (коммунистическая идея).

Однако прежде чем подчинить идею интересам, превратить ее в выражение интересов, надо ясно осознать эти интересы. Беда России сейчас даже не в международных проблемах, а в отсутствии четкой интерпретации национальных интересов (во внутренних делах) и ясной стратегии их обеспечения и защиты. А без этого не будет должной и эффективной прагматики во внешней политике. Начинать следует с понимания того, что нам нужно у себя дома.

России не следует выбирать между Востоком и Западом. Она исторически, политически, географически вне того и другого, и вместе с тем сращена с тем, и с другим. На гербе России не «золотой петушок», который, как флюгер, крутится на Запад или Восток, поддаваясь капризу ветров, а двуглавый орел, уверенно смотрящий и на Восток, и на Запад одновременно. Хотелось бы только, чтобы в этом взгляде было больше прагматизма.

Российско-китайское экономическое сотрудничество

Кравченко Л.И.

В силу того, что главным инструментом продвижения Китая является политика экономической экспансии, целесообразно рассмотреть взаимоотношения России с Китаем в контексте экономического сотрудничества в период, когда Россия еще не преступила к политике срочной переориентации на Восток.

Китай является главным торговым партнером, на его долю приходится около 11% всего товарооборота. В структуре импорта китай-

ские товары занимают первое место с долей около 16–17%. В структуре российского экспорта в Китай около 70% занимает минеральное сырье. По импорту из Китая лидирующее место занимают машины и оборудование. Россия, таким образом, выступает поставщиком ресурсного сырья для развития китайской экономики. Такова модель российско-китайского сотрудничества до 2014 года.

Инвестиции из Китая в российскую экономику незначительны: в 2013 году достигали только 8,4% от общего объема привлеченных инвестиций. Из них доля кредитов — 95%, прямые инвестиции — всего 5%. Российским хозяйствующим субъектам действительно было выгоднее привлекать иностранные кредиты из Китая, когда ставка в Китае было 6%, а в России тогда еще более 8% с последующим увеличением до 17%. Структура привлеченных инвестиций отличалась традиционной однобокостью, когда средства поступали преимущественно в несколько секторов экономики: добыча полезных ископаемых, лесное хозяйство, энергетика. Например, крупнейшими вложениями китайских компаний в российские активы стали покупка 20% акций в проекте «Ямал-СПГ», 12,5% акций «Уралкалия», вложение в совместный проект с корпорацией «Металлы Восточной Сибири» в Республике Бурятия и др. Российские инвестиции в китайскую экономику напротив осуществляются преимущественно в форме прямых инвестиций, при этом часть из них поступает не непосредственно из России, а через оффшорные счета российского бизнеса. Основные отрасли вложения — энергетика (атомная энергетика, транспортировка и переработка российской нефти, экспорт в Китай российской электроэнергии, строительство и реконструкция объектов энергогенерации), освоение месторождений полезных ископаемых, переработка древесины, строительство, торговля, промышленное производство. Для сравнения, самые крупные российские проекты в Китае реализуются в секторе обрабатывающей промышленности: строительство завода по производству пентооксида ванадия, строительство завода по производству титановой губки, строительство нефтеперерабатывающего завода, покупка двух заводов по производству катодных блоков для алюминиевых заводов, создание совместного предприятия по разработке, производству и сбыту строительного пластмасс и сплавов, строительство завода по производству материалов для солнечной энергетики, создание совместного предприятия по производству и продаже электропроводов и кабелей и др.

Новый вектор российско-китайского сотрудничества не предусматривает принципиального изменения закрепившейся модели сотрудничества. Для понимания того, как будет выстраиваться это сотрудничество, предлагается рассмотреть механизм китайской экономической стратегии — главной модели продвижения интересов Китая в регионе.

Во-первых, Китай традиционно реализует политику активного продвижения китайских товаров на рынках иностранных государств. Конкурентные преимущества в виде цены, членства в ВТО создают благоприятные условия. Вместе с тем китайские товары уничтожают основы отечественной промышленности. В частности, именно эта стратегия активно реализуется в Африке и Америке. Расчет России на собственное производство не оправдывается: Правительство активно заключает контракты с иностранными государствам на замещение освободившихся ниш на российском рынке. Для российского производителя китайская экспансия станет угрозой в таких отраслях, как сельское хозяйство, текстильное производство, отрасли машиностроения.

Во-вторых, инвестиционная активность Китая реализуется в ограниченных отраслях, главным образом в секторе добычи природных ресурсов и продовольствия. Крупнейшие инвестиционные проекты Китая в Африке и Латинской Америке показывают, что в обрабатывающую промышленность китайский капитал не поступает. Подтверждением данной стратегии являются и контракты по «Силе Сибири» и «Западному маршруту». Готовность передать до 50% активов стратегических месторождений России китайским инвесторам, заключенные в мае 2015 года 30 соглашений между Россией и Китаем указывают на углубление в российско-китайском сотрудничестве вектора сырьевизации российского экспорта.

В-третьих, инфраструктурные проекты, в том числе те, которые Китай планирует реализовать в рамках Шелкового пути, строятся по принципу, который еще был использован США в Латинской Америке. Тогда железные дороги, порты организовывались не с целью связать страну, а наладить перемещение от точки добычи ресурсов до пункта вывоза. Китайская стратегия аналогична: порты, железные дороги организуются под задачи продвижения китайских товаров и быстрой перевозки добытых ресурсов или продовольствия из глубины страны до порта, откуда морским путем поставляется в Китай. Шелковый путь инициирован под те же задачи: сухопутный

транспортный коридор по перемещению китайских товаров из отдаленных от морских портов регионов Китая в Европу, попутное извлечение минерального сырья азиатских республик под нужды китайской экономики.

В-четвертых, осуществление инвестиционных проектов на выгодных для Китая условиях. Традиционно такими требованиями становятся привлечение китайских специалистов через увеличение трудовой квоты, применение китайского оборудования и иные условия. Россия уже продвигается по данной модели партнерства. Проект по строительству высокоскоростной магистрали Москва-Казань по первым данным будет реализован на условиях Китая: строительство будет осуществляться с привлечением китайских специалистов, китайского оборудования, льготным режимом кредитования, не исключено, что и поезда будут китайского производства. Пока это первые контуры соглашения, но если Россия подпишет данное соглашение, то с позиции экономического интереса ценности оно представлять не будет: не создаются рабочие места для россиян, не загружаются производственные мощности российской экономики, в бюджет не поступают налоги.

В-пятых, нерачительное ведение хозяйства, создание грязных производств, хищническая вырубка лесов, нерациональное использование земельного фонда. Китайский инвестор осознает только выгоды. Введенные западными странами стандарты качества, внимание к экологии не затрагивают китайский капитал. Пример его бурной деятельности на Дальнем Востоке тому подтверждение. Переданные в пользование лесные хозяйства представляют собой обезлесенные полупустыни. В Средней и Центральной Азии Китаю в аренду передаются участки земли, где он также организует грязные производства, на которых работает рабочая сила из Китая, а продукция возвращается обратно в Китай. Такая политика нерачительного использования нанесет значительный экологический ущерб Сибири и Дальнему Востоку.

В-шестых, Китай заинтересован не в экспорте технологической продукции, а в приобретении непосредственно технологий, включая промышленный шпионаж. У китайской стороны нет прямого интереса стимулировать чужую экономику через обеспечение внешнего заказа. Она стремится приобретать возможности выпуска данной продукции на своей территории и копировать образцы. Рассматривая российско-китайское военно-техническое сотрудничество можно

говорить о переносе такого подхода и на российского партнера. Пока Россия представляет интерес с точки зрения научных старых разработок в сфере ВПК, интеллектуального капитала, Китай будет заинтересован в российских технологиях, но для России такая модель ущербна.

В-седьмых, Китай активно продвигает свои коммерческие интересы через информационные агентства, которые решают задачу создания и продвижения образа Поднебесной как партнера, а не как угрозы национальной промышленности. Динамика освещения российско-китайских отношений указывает на то, что и российские СМИ приступили к пропагандированию образа выгодного и равноправного китайского партнера.

Выбор китайского вектора развития представляет для страны не меньше угроз, чем сохранение западного. Модель экономики не изменится при смене партнеров. Не стоит ожидать и того, что в отношении России Китай изберет иную стратегию, нежели той, которую последовательно реализует в виде экономической экспансии по всему миру. Китайский капитал работает исключительно в угоду своих прагматичных целей. По экономической мощи Россия не сопоставима с китайской экономикой. В роли конкурента в мировом разделении труда Россия также не составляет угрозы для китайских интересов. Поэтому в случае активной российской политики, заключающейся в максимизации уступок для интенсификации сотрудничества, китайский инвестор станет «поработителем» российских недр. И вопрос даже не в активностной политике самого Китая в первую очередь, а в поспешности действий российского руководства, у которого отсутствует видение долгосрочного развития страны. Собственными руками либеральная элита генерирует еще большие риски территориальной целостности и экономическому процветанию российской государственности.

Поворот на Восток в Российской политике ведет к сближению с Китаем. Однако следует понять до каких пределов это сближение безопасно для России

Дегтев А.С.

Какой формат экономического взаимодействия с Китаем нужен России

В связи с обострением напряженности в отношениях с Западом мы становимся свидетелями поворота России на восток. Пока не ясно, насколько продолжительным и глубоким будет процесс сближения с азиатским миром. Не исключено, что достаточно скоро российское руководство поймет, что азиатский вектор в сложившемся виде ничуть не менее опасен, чем пребывание в орбите запада, который, похоже, всерьез поставил перед собой задачу уничтожения действующего политического режима в России. При всей необходимости поиска альтернативных Западу союзников и партнеров, сотрудничество с Китаем с его потрясающей способностью подчинять любого партнера своим интересам, все больше напоминает игру в одни ворота. Такой же игрой в одни ворота, видимо, будет и создание **зоны свободной торговли между Китаем и Россией**, если ей будет суждено реализоваться.

Что есть Россия для Китая

Не стоит забывать, что экономическая мощь Китая в 5 раз превосходит российскую, а население — в 9 раз. По своим масштабам Россия соотносится с Китаем так же, как Монголия или Нидерланды с Россией. Конечно, дополнительный геополитический вес нашей стране придает наличие ядерного оружия и обладание большими запасами углеводородов. Однако все равно остается не очевидным ответ на вопрос, насколько важен союз с Россией для самого Китая, который и без союза с Россией является державой глобального уровня. По величине своей экономики Китай уже в прошлом году опередил США. Китай в одиночку способен взаимодействовать с Соединенными Штатами по поводу строительства новой системы международных

отношений и предложение о таком взаимодействии несколько лет назад уже поступало в адрес Китая со стороны американцев.

Зона свободной торговли с Китаем?

Тем не менее, дальнейший сценарий развития отношений между Россией и Китаем может все-таки принять форму стратегического партнерства. В связи с этим возникает вопрос о том, какая форма экономического взаимодействия с Китаем является предпочтительной для России. Ведь известно, что по мере продвижения евразийской экономической интеграции множится количество стран, изъявивших желание присоединиться к зоне свободной торговли с Евразийским экономическим союзом. Пару недель назад ЕАЭС и Вьетнам подписали договор о зоне свободной торговли. Помимо Вьетнама договор о ЗСТ с Евразийским экономическим союзом готовы подписать еще около 40 стран, среди которых Индия и Китай. Во время визита в Москву председателя КНР Си Цзиньпина 8–10 мая 2015 года были начаты переговоры о создании **зоны свободной торговли между ЕАЭС и КНР**. Представители социально-экономического блока правительства оценивают сроки реализации этого проекта в 10–30 лет. Между тем, вхождение в зону общей торговли с таким экономическим гигантом, как Китай, является важнейшим шагом, стратегические последствия которого следует многократно просчитывать прежде, чем на него идти. Целесообразность подключения России к тем или иным геоэкономическим проектам следует оценивать в сопоставлении с контурами будущей мировой экономической системы. Основные направления формирования этой системы сейчас уже становятся очевидными.

Разрушение архитектуры глобальной экономики

В течение последних 30–40 лет в мировой экономике сформировались два центра: постиндустриальные страны с высоким уровнем жизни и развивающиеся страны с большими темпами промышленного роста. Первые стали рынком сбыта промышленной продукции массового потребления, производимой на территории вторых. Сверхвысокий уровень потребления в развитых странах требовал компенсации бюджетного и платежного дефицита. Именно поэтому в развитых странах государственный долг достиг больших размеров

(США — 103% от ВВП; Канада — 92%; Франция — 96%; Япония — 227%). В то же время, стремясь сохранить свои конкурентные преимущества, страны-экспортеры не спешили инвестировать излишки валютной выручки на внутреннем рынке, а вывозили их за рубеж, вкладывая в долговые обязательства развитых стран. Как результат, национальные валюты развивающихся стран дешевели, и размер оплаты труда в них сохранялся на более низком уровне.

Однако, начиная со второй половины нулевых годов эта система дала сбой. Ипотечный кризис в США и долговой кризис в ЕС ознаменовали начало снижения темпов роста западных экономик. После глобального кризиса 2008–2009 годов США так и не вышли на предкризисные темпы роста. Обнажились чудовищные диспропорции как в американской экономике, так и в странах ЕС. Стало ясно, что экспортная ориентация крупнейших развивающихся стран все больше становится несостоятельной и следует переходить к стратегии построения внутреннего рынка.

В Индии появляется программа развития высшего образования и строительства вузов по всей стране. Интерпретировать данный шаг индийского руководства можно по-разному. Однако, в первую очередь в стратегии видится шаг к созданию внутреннего рынка, т. к. от уровня образования прямо зависит и уровень потребления.

Схожие процессы протекают в Китае. Там они приняли еще большие масштабы. Как известно, высокий уровень потребления свойствен городской культуре. В Китае же полным ходом идет строительство городов. Причем речь идет не о расширении пригородов уже существующих агломераций, а о строительстве новых мегаполисов с нуля. Например, неподалеку от Нанкина в данный момент строятся 20 городов. Одновременно с этим стремительно растет покупательная способность китайского населения. В 2011 году китайским руководством была поставлена задача увеличить среднюю заработную плату втрое к 2017 году. Уже в 2012 году средние зарплаты в Китае росли на 13–16% в год.

Очевидно, от системы двух экономических полюсов — центра дешевого производства продукции на экспорт и центра сверхпотребления импортных товаров, мировая экономика переходит к логике существования макроэкономических зон, ориентированных на внутренний рынок. Эта трансформация лежит и в основе тех разногласий, которые кипят в отношениях между США и ЕС по поводу Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства

(ТТИП). Американские руководители понимают, что в результате разрушения единой мировой долларовой системы, США могут лишиться и источников дешевого импорта, и потоков капитала, и внешних рынков для своего экспорта. Для того, чтобы гарантировать себе хоть какой-то рынок сбыта, США и навязывают Европейскому союзу невыгодное для него соглашение о ТТИП. В случае его заключения убытки понесут именно европейские производители ввиду того, что их производственные издержки более высоки, а продукция менее конкурентоспособна.

Место России в будущей системе

Какое же место должна стремиться занять Россия в новой мировой экономической системе? Расчеты показывают, что для создания полноценной региональной экономики необходим внутренний рынок размером не менее 300 миллионов человек. Это значит, что Россия в отличие от Китая, Индии и США не способна сформировать макроэкономическую зону в рамках своих государственных границ. Эта задача может быть решена только посредством интеграции. И здесь существуют две альтернативы: либо присоединиться к одному из более крупных экономических образований на правах составной части, либо сформировать собственный макрорегион в составе постсоветских стран и других сопоставимых с Россией по размеру своего рынка участников. В качестве первого варианта с наибольшей вероятностью стоит рассматривать присоединение к китайской макроэкономической зоне. Второй вариант подразумевает расширение и углубление экономического сотрудничества в рамках ЕАЭС. Стратегия включения в чужую макроэкономическую зону была бы приемлемой, если бы не ряд обстоятельств.

Во-первых, геополитический статус России обрекает ее на роль конкурента и потенциального врага крупнейших мировых держав. Даже при полной доброжелательности и стремлении к мирному сосуществованию со стороны России ее контрагенты будут видеть в ней угрозу и не останутся в своем стремлении к ее максимальному ослаблению. Включение в экономические группировки с более мощными стратегическими конкурентами означало бы передачу им части российского экономического суверенитета, что прямо противоречит цели выживания России в условиях глобального мира.

Во-вторых, любая экономическая интеграционная группировка имеет гарантированно взаимовыгодный характер лишь в том случае, если совокупная ресурсная мощь ее участников является минимально достаточной для достижения синергетического эффекта от интеграции. Потенциальное объединение Китая и России таковым не является. Собственного потенциала Китая более чем достаточно для самостоятельного решения всех его экономических задач. А это значит, что Россия, скорее всего, будет рассматриваться Китаем исключительно как источник сырья и рынок сбыта готовой продукции. Противоположная ситуация наблюдается в процессе евразийской экономической интеграции. Создание полноценной макроэкономической зоны с достаточной внутренней покупательной мощью на территории России и ее соседей возможно лишь при обеспечении высокой покупательной способности населения всех стран-участниц. Это значит, что Россия объективно заинтересована в реальном экономическом развитии ее партнеров по евразийской экономической интеграции.

В-третьих, экономическая интеграция нецелесообразна в случае существенной разницы в конкурентоспособности национальных производителей стран-участниц. Такая разница имеется между Китаем и Россией и обусловлена она далеко не только уровнем технологического развития. Благодаря климатическим и географическим факторам, а также более низкому уровню зарплат производственные издержки в Китае изначально имеют гораздо более низкий уровень, чем у большинства конкурентов. Интеграция России с Китаем выразится в окончательном уничтожении внутреннего российского производства и переходе на китайский импорт.

В-четвертых, успешная интеграция требует географической близости стран-участниц для минимизации транспортных издержек в ходе создания единых производственных комплексов. Несмотря на то, что Россия и Китай граничат между собой, не стоит забывать, что наиболее заселенные и промышленно развитые части их территорий максимально удалены друг от друга. Для России это ее европейская часть, для Китая — восточное побережье.

Вывод

При всей важности Китая для России в качестве экономического партнера создание **зоны свободной торговли между Россией и Китаем** и включение России в будущую китайскую макроэкономи-

ческую зону бессмысленно и губительно для РФ. При сохранении сотрудничества в энергетической и инфраструктурной сферах с Китаем приоритетом дальнейшего экономического развития для России является расширение и углубление Евразийского экономического союза.

Сообщение по теме

Ибрагимов А.Г.

Спасибо организаторам. В Год литературы присутствовать в таком замечательном зале — честно вам скажу, одно удовольствие. И при этом совершенно потрясающие доклады, спасибо и докладчикам, и содокладчикам. В данном случае, выступая в ипостаси председателя совета Института российско-китайского стратегического взаимодействия, хочу описать некоторые вещи с точки зрения китайцев.

Во-первых, в название было вынесено «США (Запад) — Китай — Россия». То есть, вроде как США и Запад — это одно и то же. Но у китайцев иная картина мира. С точки зрения китайцев, в мире существует пять цивилизаций: цивилизация Центра, цивилизации Востока, Запада, и Юга. То есть Север (а это в первую очередь США) и Запад — это разные вещи. Они между собой отличаются цивилизационными кодами, архетипом и генотипом.

Согласно коду перемен Центр одолевает Север, Север одолевает Юг, Юг одолевает Запад, Запад одолевает Восток, Восток одолевает Центр.

В 1993 году китайцами были принята доктрина «Три Севера. Четыре моря», где три Севера — это Соединенные Штаты Америки, Североатлантический Альянс и часть России за Уралом. То есть Китай (Центр) должен одолеть Север (все вышеперечисленные геополитические субъекты).

Теперь по поводу образа победы и глобализации по-китайски. Каждая цивилизация, безусловно, должна иметь свой цивилизационный план, в этом я абсолютно солидарен с уважаемым Варданом Эрнестовичем. Но у китайцев план глобализации всегда выглядел несколько иначе. Китай — это абсолютный пуп земли, это цивилизация Центра, это безусловный центр мироздания. Все остальные — варвары, заморские черти. Об этом четко говорят китайские

иероглифы. То есть, если посмотреть иероглиф, то — иностранец для них — это «заморский черт». Это мы его переводим как «иностранец». А иероглиф старый, он так и звучит — «заморский черт». Вот мы с вами все заморские черти.

Далее: у китайцев есть один император, сын Неба. Он сидит под Полярной звездой у себя во дворце в Поднебесной стране (одно из самоназваний Китая). На это его особое положение указывает масса символов. И главное в глобализации по-китайски — это признание себя вассалами Императора, т. е. Сына Неба. А что делают вассалы? Они платят дань. Вот и все остальные народы должны платить дань Сыну Неба в местных продуктах. Тут приводили пример с королем Англии Георгом III. Это и есть потрясающий пример китайской ментальности. То есть захват чужих территорий и присоединение их к Китаю — это совершенно не обязательно. Все телодвижения, которые происходят во всем другом мире — это телодвижения на периферии, которую необязательно захватывать и необязательно завоевывать.

Пример: многие из вас, наверное, читали про эти замечательные экспедиции великого китайского флотоводца Чжэн Хэ (по-моему, XV век). Семь морских экспедиций, потрясающие результаты, дошли туда, куда никто из больших держав не доходил, включая Африку, Индию, всю ЮВА, а потом вдруг — раз! — и все прекратили.

Почему? Потому что поняли в конечном итоге: да не надо это покорение и все прочее. Им, китайцам, этого не надо. Для них главное, чтобы пришли представители каких-то народов, признали власть китайского императора, признали, что он в мире такой один, и с этим все согласились. Это и есть план глобализации по-китайски.

Теперь что касается взаимоотношений Китая и России. Китай рассматривает Россию как свой стратегический тыл на данном этапе. Почему как стратегический тыл? Потому что на самом деле фронт для них в конечном итоге будет лежать в противоборстве с главной цивилизацией Севера, а цивилизация Севера — это Соединенные Штаты (или Северо-Американские Соединенные Штаты, как они раньше назывались). И Россия должна быть вот этим тылом.

Здесь очень хороший вы привели образ: спиной к спине мы должны вроде бы стоять, на Россию опора, это ресурсная база, которая должна вроде бы как быть союзником Китая в противоборстве с США. Но дело в том (вы тоже были абсолютно правы), что китайцы абсолютно прагматичны. И они все типы своих взаимоотношений

с иностранцами расписывают по-своему. Я специально вам приведу пример, как они описывают те или иные отношения с разными странами.

Понятно, что китайские церемонии построены на символизме и скрытых смыслах:

- отношения с Казахстаном названы китайской стороной всесторонними стратегическими отношениями взаимной выгоды и взаимной ответственности искренних и надежных партнеров;
- китайско-японские отношения назвали лишь отношениями стратегической взаимовыгоды;
- отношения Китая с Израилем названы отношениями комплексного научно-технического сотрудничества;
- отношения Китая с Германией носят статус отношений важнейших партнеров по стимулированию индустриализации нового типа;
- китайско-британские отношения имеют высокий статус всесторонних отношений партнерства и инклюзивного развития;
- отношения Китая с Евросоюзом названы отношениями взаимного стимулирования;
- китайско-индийские отношения находятся на уровне просто отношений стратегического сотрудничества;
- примечательно, что китайско-американские отношения с 2013 года получили название нового типа отношений — стратегического взаимодоверия, стратегического признания и конструктивного сотрудничества крупных держав;
- что же касается отношений КНР с Российской Федерацией, то в 2014 году они были украшены такими цветистыми определениями как «отношения всеобъемлющего, прагматично направленного, доверительного партнерства и образцового стратегического взаимодействия».

Но при этом я еще раз хочу сказать, что здесь нет слова «искренности», как с Казахстаном.

Скажем так, что делать с Китаем? Я совершенно согласен с оценками: с нами они церемониться не будут, для китайцев не характерно великодушие. Вообще, кто знаком с китайцами — у них очень своеобразный юмор. Это на самом деле человек, который приветствует в определенной степени жестокость. Здесь примеры приводили. На самом деле так оно и есть.

Так что же нас может с китайцами в конечном итоге сблизить?

Китайцы на самом деле люди очень злопамятные, с одной стороны; а с другой стороны, если можно сказать, добропамятные. То есть они очень хорошо помнят зло и очень хорошо помнят добро.

Мы здесь говорили: какой же стратегический план у Китая? Их стратегия, мечта китайская — отомстить за сто лет позора во время опиумных войн всем тем гадам-вредителям, которые учинили безобразия. И мы сможем найти с китайцами взаимоотношения только тогда, когда перейдем с ними на отношения искренности. А этого в настоящий момент нет.

Все, кто ведут переговоры с китайцами, про Китай ни черта не знают, переводчиков грамотных нет, специалистов по Китаю фактически нет. Мы с этим сталкиваемся постоянно. На государственном уровне никто этим заниматься не хочет. Те люди, которые приезжают в Китай на переговоры — не владеют ситуацией, не владеют ментальностью китайцев. Пребывая полностью в западной ментальности, они продолжают с китайцами свои игры.

И поэтому честно вам скажу... Вот вопрос задавался: с чего нам надо начинать? Ответу: со смены элиты. Потому что пока мы элиту не поменяем, и будет та элита, которая есть, мы ничего не добьемся, ничего у нас не изменится. Китайцы с большим презрением относятся к тем переговорщикам, которые к ним приезжают.

Что за поворотом страны с Запада на Восток

Мальцев В.А.

Вопросы геополитики (как системы отношений, определяющей политическое содержание и результаты взаимодействия национальных (цивилизационных) объединений) являются принципиально важными независимо от международной обстановки, т. к. в них находят выражение глубинные процессы жизни стран и их союзов. В этом смысле отношения в треугольнике «США — Россия — Китай» вот уже несколько десятилетий являются определяющими не только для судеб народов, населяющих указанные страны, но и для всего мира.

В рассуждениях о международных отношениях целесообразно учитывать следующие исходные положения, касающиеся осуществления государственной политики:

- 1) верность выбираемых целей и средств политической деятельности проходит проверку в сопоставлении с горизонтом и масштабом деятельности и, следовательно, осознанным и признанным в данной стране представлением о предназначении данного государственного организма в мегаисторическом процессе;
- 2) политика подлежит оценке либо как целостное явление (с учетом внутренних и внешних связей, открытых и скрытых факторов деятельности) и потому дает основания за счет критического осмысления для существенных выводов и самостоятельной государственной деятельности, либо такая оценка ограничивается наиболее заметными фрагментами деятельности и является прикрытием обслуживания чуждых интересов и исполнения чужой воли (посредством манипуляции, принуждения).

С учетом доступных сведений перспективы разворота России к Западу на Восток оказываются недостоверными и нежелательными. При этом в условиях современной России любой «разворот» (как смещение акцентов в политике главным образом в одном из возможных направлений) предлагается оценивать негативно, за исключением разворота властей и народа современной России собственно к России. Главным аргументом для такого категорического утверждения является то соображение, что опора (ориентация) на не контролируемые субъектом управления факторы ведет в стратегической перспективе к его ослаблению и потере самостоятельности (субъектности).

Отсутствие созидательной и явной для общества стратегии развития России, как и должной настройки всех элементов политической деятельности жизнеспособного государства (включая идеологию и инфраструктуру социально-экономических отношений), — ключевой фактор, ведущий Россию к поражению, независимо от того, кто является визи в конкретном случае. В случае же с ведущими геополитическими конкурентами («партнерами») России — США и Китаем — такое поражение становится тем более неотвратимым и тяжелым, чем меньше разногласий, хотя бы и на временной основе, остается между ними. В таком контексте «разворот» оказывается всего лишь «поиском хозяина» для богатств России, которое нынешнее политическое руководство неспособно либо не считает возможным

осваивать самостоятельно и в национальных интересах. При этом вопрос балансирования между противниками («партнерами»), безусловно, не утрачивает своей непреходящей актуальности, но имеет благополучное решение только при наращивании суверенитета, чего в достаточной мере не наблюдается уже на протяжении 3-го десятилетия.

Наиболее существенными факторами, усугубляющими положение России при осуществлении «разворота» в сторону Азии, являются следующие:

- доминирование в международных отношениях «права сильного» (в условиях значительного комплексного ослабления России);
- долговременная практика нахождения общего языка между корпоративной Америкой и «социалистическим» Китаем и осуществления ими согласованной в мировом масштабе политики (на примере превращения КНР в новую «фабрику мира» и долгового финансирования Китаем экономики США);
- культурная, политическая и экономическая зависимость России (разной степени тяжести) как от США, так и от Китая;
- разные типы (модели) управления социально-экономическими процессами, не позволяющие механистически перенимать передовой опыт;
- фактическая встроенность значительной части руководства России в глобализационный проект;
- утрата Россией инициативы в диалоге с китайской стороной (проект Экономического пояса Шелкового пути и отсутствие значимых подвижек в реализации собственного «континентального» транзитного потенциала, замалчиваемые в общественном информационном пространстве одобренные на мероприятии в Нью-Йорке в 2009 г. проекты освоения Китаем ресурсов Сибири и Дальнего Востока России, начало реализации проектов «территорий опережающего развития») и воспроизведение Китаем американской экстерриториальной практики управления социально-экономическими процессами в отношении России.
- значительное поражение способности власти в России осуществлять стратегическое управление в национальных интересах, в том числе воспроизведение ошибок в попытках привлечения иностранного капитала, будто бы заинтересованного в действительном развитии экономики России;

- манипуляции общественным сознанием как активно используемое средство «нахождения общего языка» власти с народом России.

С учетом постулируемого принципа первичности внутренних факторов в осуществлении внешней политики, за мнимым либо действительным поворотом России на Восток нас ожидают те же самые проблемы, что стоят перед нами и до начала такого поворота и без решения которых любое внешнее геополитическое направление представляется тупиковым. Таким образом, концепция и практика государственной политики в России либо подлежат коренному пересмотру с опорой на восстановление собственной жизнеспособности, либо закономерно приводят страну к краху. При этом маневрирование между конкурентами на международной арене может оказаться оправданным за счет активного обращения к вопросу кризиса современной миросистемы и предложения альтернативного проекта мироустройства, а также разобщения находящихся в «капиталистическом союзе» геополитических противников или использования результатов такого разобщения.

Китайский вектор не панацея для России

Сулакишин С.С.

В теме семинара США упоминались вкупе с Западом, но в дискуссии Запад как-то исчез. Треугольник ведь обозначался как? США (Запад) — Китай — Россия. Про Запад как-то забыли. А на деле ВВП ЕС вместе с США дает отношение к ВВП Китая как 2 к 1, а вовсе не 1 к 1, и в такой постановке речи о превышении китайского мирового субъекта над американской-западной экономической мощью не идет.

Основной вопрос семинара включает в себя два вопроса. Один о том каковы причины российского поворота, такого быстрого и скоропалительного; и второй — каковы последствия этого решения. В какой-то степени вокруг этого вопроса дискуссия и шла. Позвольте высказать свои соображения и отчасти прооппонировать некоторым прозвучавшим точкам зрения.

Во-первых, конечно, настораживает характерная для последних времен пропагандистская эйфория, фанфары и барабанный бой. Это примерно так же, как центральные каналы с восторгом сообщают,

что в мировой таблице о рангах, по версии журнала «Forbes», лидер России занял вторую позицию, обогнав и Меркель, и Обаму, и прочих всяких лидеров. Но при этом забывают сказать, что второе место он занял после корейской певицы, а третья в этом рейтинге — Леди Гага. Качество пропаганды, как отношение к важнейшим решениям, последствия которых для страны могут быть, в том числе, очень разрушительными — неприемлемо.

Что за причины этого геополитического и геоэкономического поворота? Посмотрим на проблемный перечень, который тоже возникал как вопрос и вызов дискуссии, основные проблемы России, которые объясняют скоропалительность «стратегического» поворота, и предполагают последствия, которые я сформулирую.

Первое — это несuverенность России, зависимость на уровне 60% государственного бюджета от продаж углеводородов за рубеж в объемах и по ценам, которые устанавливает не Россия, а зарубеж. И в этом отношении неважно — Запад их устанавливает или Китай.

Второе — это по-прежнему либеральный химеризм в ожидании внешних инвестиций при том, что демонетизация собственной рублевой инвестиционной массы достигает порядка 100 триллионов рублей. Коэффициент монетизации в Китае достигает временами 200% относительно ВВП, темпы прироста ВВП — 8%, инфляция контролируемая. А в России монетизация — 40%, инфляция двузначная, а прирост ВВП превратился не просто в стагнацию, а в падение ВВП. В этом отношении страна определенно несuverенна, зависит от внешних факторов.

Третья проблемно объяснительная позиция — у страны на самом деле нет стратегии. Никакой стратегии поворота с Запада на Восток, никакой стратегии развития Дальнего Востока и Сибири, никакой связи, вообще планирования, документов, политических решений. Где российский Великий шелковый путь в нашей транскрипции? Его нет.

Есть химерическая «Стратегия 2020» с планами построения постиндустриальной экономики. Так она и строится: услуги, финансовая деятельность, т. е. спекуляция, ростовщичество виртуальное, которое не создает благ, которое не создает базу для обороноспособности и не создает никакой базы для стратегического взаимодействия с партнерами — будь то Европейский Союз или Соединенные Штаты Америки или Китай. Также нет никакого мирового проекта

и большой идеи, которая страну делала хотя бы в этом отношении паритетной во взаимоотношениях с Китаем.

И четвертая проблемная позиция, также объясняющая многое — это совершенно неприемлемый непрофессионализм и некачественность высшего политического и государственного управления в нашей стране. Сегодня прозвучал тезис, что если не сменятся элиты, то у России нет надежного, предсказуемого и качественного будущего. Я усилю этот тезис. Дело в том, что политологи хорошо понимают, что означает ручное управление, что означает монополия власти, что означает отказ, фактически свертывание политической состоятельности, ротации кадров, рекрутинга лучших, социального лифта, разделения властей, сдержек и баланса для противовеса по вертикали и по горизонтали. Это приводит к тому, что качество, уровень и содержание государственного управления зависит от одного-единственного человека.

И когда говорится об элите, то, конечно, мы сейчас, исполненные патриотических чувств, забываем добавить к этой формуле еще одну: пока страной руководит один человек, у нее нет никаких перспектив. Это безнадежная политическая и государственно-управленческая ситуация. Отсюда вытекают объяснительные тезисы.

Первый тезис: поворот — это стратегия или это импровизация? Утверждаю, что это импровизация, потому что произошло это ровно в тот момент, в который доходы нефтяного бюджета страны были поставлены под угрозу санкциями Запада, и нужно было попросту спасать несuverенную экономику. Для этого на высшем уровне была отряжена делегация в Китай и проекты века подписаны на невыгодных условиях, на условиях убыточности, которая на сегодня стала убыточностью с гарантией в разы после падения цены на нефть и падения производной цены на газ... Это была ровно такая же импровизация с непросчитанными последствиями, каковой была сама ссора с Западом.

15 последних лет под лозунгами «Наши ценности такие же, как ценности Европы. Мы — Европа!» шли в НАТО, шли в ВТО, шли в растворение в западной американо-европейской цивилизации. И вдруг в одночасье, в одну ночь на 22 февраля все это было обрушено, со всем этим распрощались и с удивлением вдруг спросили утром: а почему нас выгнали из «Большой восьмерки»? Импровизация безответственная, авантюрная, не стратегическая при парадоксальном, конечно, смещении оценок и качества положения, поскольку русское население Крыма получило справедливую исторически ситуацию.

Противоречие картины очевидно. Но я сейчас беру в анализе только тему качества государственного управления.

На самом деле нет никакого плана Путина по развитию Дальнего Востока и Сибири, нет никакой стратегии взаимоотношений с Китаем. Есть импульсивные решения, которые генерируют в том числе и тяжкие последствия, о которых сегодня уже говорилось. Что это за последствия? Я только формулу выскажу.

Страна поворачивается не только и не столько на Восток, она поворачивается от долларовой зависимости к зависимости юаневой. И в этом смысле для нее ничего не меняется, а только усугубляется. Потому что в следующий раз, когда реализуются действительно мегаисторические стратегические планы Китая относительно России, бежать будет уже некуда, и поворачиваться тоже будет некуда. А отсюда вытекает вывод: если в России не ставится задача внутреннего оздоровления, восстановления ее настоящей экономической и иной суверенности, то этот поворот совершенно не спасителен, как на то некоторые специалисты возлагают надежды.

Кто-то удовлетворен тем, что мы показали «кузькину мать» Западу, теперь он мол до нас не дотянется. Еще как дотянется!

В 1960-е годы СССР воевал с Китаем. Целый БАМ построил ввиду угрозы большой войны с Китаем. У нас нет доступа к закрытой информации, но лучший шпион — это логика, а она говорит, что не могут не вестись отдельные консультации по линии США — Китай в отношении того, что делать с подтанцовкой России. Если на сегодня Китай имеет тактические и среднесрочные выгоды от так называемой дружбы, то никто не гарантирует, что через несколько лет (или десятков лет, или два десятка лет) этот треугольник существенно не деформируется и третьего угла там просто не останется.

Вот об этом — о задаче внутренней реформы в стране, о ее оздоровлении — мне кажется, должен быть сделан самый главный вывод при постановке темы, которую сегодня коллеги так блестяще развернули.

Заключительное слово докладчика

Уважаемые коллеги, участники дискуссии!

Прежде всего, хотел бы поблагодарить вас за конструктивный диалог и содержательные выступления. Время подвести итоги.

Отношения в треугольнике США — РФ — КНР действительно призваны определять политическую повестку XXI века. Факты неумолимо свидетельствуют, что сегодня Россия не является ключевым игроком в этой конфигурации, в Большой игре США и Китая. Руководство РФ необходимо стремиться к изменению такого положения, тем более, что все предпосылки к этому имеются. Нельзя допустить, чтобы национальные интересы России стали разменной картой американо-китайского противостояния. Путь к этому лежит через выстраивание корректных, но жестких в принципиальных вопросах отношений и с США, и с КНР, с одновременной внутренней стратегией динамичного развития Восточной Сибири и Дальнего Востока. Следует отдавать отчет в том, что у Китая есть план масштабной глобализации мира на основе конфуцианских ценностей, а США пытаются вот уже ни одно десятилетие навязать миру свою универсальную ценностную модель на основе протестантской этики. У России пока таких проектов нет. Следовательно, необходима серьезная и кропотливая работа над тем, что мы можем предложить миру в качестве привлекательной и альтернативной модели развития.

В современных условиях КНР наращивает свой евразийский потенциал и совместно с Россией усиливает контроль над регионом. США, напротив, уходят из Евразии.

Об этом красноречиво свидетельствуют факты. В 2008 году во время грузино-осетинского конфликта Шестой американский флот так и не стал актором, грозившим закрыть воздушное пространство Грузии от российских боевых самолетов. В 2012 году американская военная база была выдвлена из Манаса в Киргизии. Страна вышла из — под американского «зонтика» и интегрировалась в ЕАС. В 2013 году инициатива Путина об уничтожении химического оружия остановила американскую агрессию в отношении Сирии. Операция «Арабская весна» также не принесла ожидаемого эффекта. Голова арабского мира — Египет вышел из — под проамериканского режима «Братьев мусульман», а режим Асада удерживается у власти, несмотря на то, что 50% сирийской территории контролируются

ИГИЛ. США покидают Афпак, попадая в полную зависимость от доброй воли РФ в вопросах сухопутных маршрутов по выводу контингента и доставки грузов. В сущности это означает, что талибы победили. Переговоры по ядерному досье Ирана, результатом которых стало признание Западом права ИРИ на развитие мирного атома, фактически означают, что США отворачиваются от своего ближневосточного партнера — Израиля, ставя его безопасность под угрозу. После организации тахрира в Турции, в целях смены действующего политического режима Эрдогана, турецкое руководство, не испытывая более иллюзий в отношении партнерства с США, несмотря на членство в НАТО, совершило резкий вираж в сторону России, запустив проект «Турецкий поток». Во время недавних событий в Йемене, по свержению президента Хади повстанцами хуситами, американские военные, не вмешиваясь в развернувшийся процесс, тихо покинули страну.

Сокращение военного бюджета в США при резком росте военных расходов в РФ и КНР говорит не в пользу американского доминирования. Все это свидетельствует о том, что соотношение сил в Евразии меняется явно не в пользу США. Американская внешняя политика находится в стадии пассионарного перегрева, не выдерживая перегрузок.

В завершении хочу отметить, что прагматизм должен стать здоровой основой XXI века. Стоит напомнить, что колониальная система Запада начала разрушаться не только вследствие национально — освободительного движения в Азии и Африке. Немаловажным обстоятельством стало осознание западным политическим истеблишментом того факта, что колониализм перестал быть экономически выгодным и эффективным. Так и в нынешних условиях, полагаю, что и в США, и в КНР, и в РФ присутствует понимание того, что новый имперский глобальный проект это дорого и неэффективно. А коли так, то и будущая конфигурация мира заключается в равнобедренном треугольнике, разделенным на зоны ответственности, гарантирующие безопасность всего мирового сообщества на основе сотрудничества, а не по схеме «управляющий — управляемые». Будущее мира это многополярность, скорее всего с азиатским акцентом.

Спасибо за внимание.

Тематический план
ежемесячного научного междисциплинарного семинара
«Актуальная российская повестка»

1. Способен ли политический режим России вывести ее из кризиса развития?
2. Конфликт Россия-Запад: пути выхода
3. В треугольнике: США (Запад) — Китай — Россия. Что за поворотом страны с Запада на Восток?
4. Реалии и тренд развития экономической модели в России, что в конце?
5. Россия и ряд: СССР, Югославия, Ирак, Ливия, Сирия
6. Федеральные выборы 2016 и 2018 гг.: сценарный прогноз
7. Сценарий «Антироссия»: реконструкция и вероятность «успеха»
8. Как собрать силы народные, вскрыть потенциал общества в оздоровлении страны (о строительстве партии нового типа)
9. Фундаментальные цивилизационные и иные ресурсы и силы оздоровления страны
10. Есть ли и в чем состоит «план Путина»?